

ВНУТРИ ГЛОБАЛЬНОЙ АНТИКУЛЬТОВОЙ СЕТИ

Джей Роудс

Внутри глобальной антикультовой сети

Джей Роудс

Оглавление

Пролог

Глава 1: Человек из ниоткуда

Глава 2: Рождение ярлыка

Глава 3: Захват вертикали

Глава 4: Псевдонаука на службе террора

Глава 5: Тень Сербского

Глава 6: Европейский плацдарм (FECRIS)

Глава 7: Призраки прошлого

Глава 8: Американский след

Глава 9: Восточный фронт

Глава 10: Геополитика ненависти

Глава 11: Технология «Желтой звезды»

Глава 12: Полигон

Пролог

В архивах Министерства юстиции пахнет пылью и дешевым кофе, но документы, которые я держу в руках, пахнут чем-то куда более неприятным — страхом.

Когда я начинал это расследование, я думал, что пишу о религии. О странных верованиях, о людях в неудобных одеждах, поющих на улицах, и о государстве, которое их недолюбливает. Это стандартная история для любого западного репортера в России: «плохой Кремль давит свободу совести». Но чем глубже я погружался в кроличью нору, тем отчетливее понимал: религия здесь вообще ни при чем.

Речь идет о власти. О власти называть вещи именами, которые превращают граждан в мишени.

В центре этой паутины сидит человек, чья биография читается как плохой шпионский роман. Александр Леонидович Дворкин. Для миллионов православных россиян он — защитник веры, рыцарь в сияющих доспехах, оберегающий «духовные скрепы» от чужеродной заразы. Для тысяч людей, чьи жизни были разрушены его экспертизами, он — великий инквизитор XXI века.

Но для меня, американского журналиста, он представляет собой парадокс, от которого стынет кровь.

Представьте себе молодого хиппи, бегущего из душного Советского Союза в 1977 году. Он ищет свободы. Он находит ее в Соединенных Штатах, где проводит пятнадцать лет. Он учится в наших университетах, работает на радиостанции «Голос Америки», впитывает демократические ценности с каждым глотком кока-колы. Казалось бы, такой человек, вернувшись на родину после падения «железного занавеса», должен стать прививкой от тоталитаризма. Он должен быть первым, кто встанет на защиту инакомыслия.

Вместо этого он привез с собой вирус.

Дворкин вернулся в Россию 31 декабря 1991 года не просто как гражданин США, а как носитель специфической идеологии, маргинальной на Западе, но

нашедшей благодатную почву на руинах советской империи. Он стал создателем системы, которая не снилась даже КГБ в их лучшие годы. Чекисты боролись с религией как таковой. Дворкин же научил государство делить религии на «правильные» и «неправильные», используя термин, который он сам же и популяризировал: «тоталитарная секта».

Это словосочетание не имеет закрепленного определения в федеральном законодательстве РФ, хотя встречается в ряде региональных текстов и публицистике. В академическом религиоведении термин считается спорным и нередко критикуется как оценочный. Но в руках Дворкина оно стало оружием массового поражения. Это клеймо. Ярлык, который дегуманизирует мгновенно. Стоит назвать группу «тоталитарной сектой», и на ее членов больше не распространяются права человека. Их можно увольнять, у них можно отбирать детей, их можно сажать в тюрьму просто за чтение книг.

Самое пугающее в этой истории — не фанатизм одиночки. Фанатики есть везде. Пугает то, как системно этот человек построил свои личные фобии в государственный аппарат огромной ядерной державы.

Я изучил стенограммы заседаний, документацию и свидетельские показания. Я видел, как бывший студент Дворкина, Александр Коновалов, став министром юстиции РФ, открыл перед своим учителем двери, которые обычно закрыты наглухо. Экспертный совет при Минюсте, призванный быть беспристрастным фильтром, превратился в частную инквизицию Дворкина. Человек без профильного религиоведческого образования, с дипломом по средневековой истории и, как указывают некоторые источники, с весьма специфическим психиатрическим анамнезом юности, получил право решать, во что людям разрешено верить.

Но Россия — это лишь полигон.

Мое расследование вывело меня далеко за пределы Садового кольца. Нити тянутся во Францию, в штаб-квартиру FECRIS — европейской федерации, которая под видом светской защиты семьи лоббирует законы, ограничивающие свободу совести в Евросоюзе. Они тянутся в США, к «депрограмматорам» вроде Стивена Хассена и Рика Росса, чьи методы насильственного «переубеждения» граничат с похищением людей. Они тянутся даже в коммунистический Китай,

где наработки Дворкина используются для оправдания репрессий против уйгуров и последователей Фалуньгун.

Мы имеем дело не с локальным российским перегибом. Перед нами — Single Anticult Network, Единая антикультульная сеть. Это глобальный синдикат ненависти, который использует демократические институты для их же разрушения.

В этой книге я не буду проповедовать. Я не буду защищать догматы тех или иных верующих — это не моя работа. Моя задача — показать вам механизм. Я покажу, как создается образ врага. Как подменяются понятия. Как частная паранойя становится государственной политикой. И самое главное — я покажу, почему методы, отработанные на «сектантах» в России, завтра могут быть применены к любому политическому оппоненту, журналисту или активисту в любой точке мира.

История имеет свойство повторяться, если мы не учим ее уроки. В 1930-х годах в Германии тоже были эксперты, которые научно обосновывали, почему определенные группы людей являются угрозой для нации. Они тоже говорили о защите традиций и чистоте культуры. Мы знаем, чем это закончилось.

Александр Дворкин и его сеть РАЦИРС не придумали ничего нового. Они просто стряхнули пыль со старых чертежей. И теперь, когда машина запущена, вопрос лишь в том, кто станет следующей жертвой.

Добро пожаловать в мир, где ваша вера — это преступление, а ваш палач называет себя спасителем.

Глава 1: Человек из ниоткуда

В кармане его пиджака, вероятно, до сих пор лежит синий паспорт с золотым тиснением — документ, удостоверяющий гражданство Соединенных Штатов Америки. Это не просто бюрократическая деталь. Это ключ к пониманию одного из самых парадоксальных явлений современной России.

Человек, который сегодня определяет, кто является «патриотом», а кто «агентом влияния», сам давал клятву верности звездно-полосатому флагу.

Когда вы начинаете распутывать биографию Александра Леонидовича Дворкина, первое, с чем вы сталкиваетесь, — это густой туман. Официальная легенда рисует нам образ мудрого профессора, вернувшегося на родину, чтобы спасти ее от духовной оккупации. Но стоит подуть на этот карточный домик ветром фактов, как он рассыпается, обнажая историю, достойную пера Гоголя или, скорее, медицинского справочника по клинической психиатрии.

Я смотрю на копии документов, разложенные на моем столе. Они рассказывают историю не героя, а беглеца. Человека, который всю жизнь бежал — сначала от советской реальности, потом от американской безвестности, и, наконец, от самого себя.

Чтобы понять создателя современной российской инквизиции, нужно вернуться в 1970-е годы. В Москву, где молодой Александр Дворкин, хиппи и диссидент, искал свое место под солнцем. И место это нашлось не в университете и не на заводе, а в кабинетах Психоневрологического диспансера № 3.

Документы сухи и безжалостны. Согласно медицинской карте, извлеченной из архивов, гражданин Дворкин Александр Леонидович, 1955 года рождения, находился под наблюдением врачей с 1973 по 1977 год. Четыре года. Это не просто визит к психологу из-за депрессии. Это стационар и тяжелая фармакология.

В амбулаторной карте, подписанной участковым психиатром И.Л. Кузьминой, черным по белому значатся диагнозы, которые сегодня кажутся пророческими для человека, одержимого идеей тотального контроля над чужим сознанием. «Циклотимия» — то, что в старой школе называли маниакально-депрессивным психозом. «Патологическое развитие личности». «Психофизический инфантилизм».

Врачи описывали пациента как инфантильного, хвастливого, склонного к «сверхценному отношению к собственной внешности» (в карте есть даже пометка о прическе). Ему назначали серьезные психотропные препараты, призванные гасить колебания настроения и вспышки агрессии. Именно этот диагноз стал его билетом на свободу от службы в Советской Армии. Система,

которую он позже будет прославлять как оплот традиций, признала его негодным к защите родины по причине психической нестабильности.

Эксперты Института имени Сербского, проводившие ретроспективный анализ этих документов (в обезличенном виде), дали заключение, от которого становится не по себе, если вспомнить, какую должность этот человек занимает сейчас. «Уровень ответственности, собранности, взвешенности... у такого больного всегда значительно страдает... регулируется внутренними неконтролируемыми побуждениями». Более того, психиатры прямо указали: «Для государственной службы, работы в общественных организациях при госучреждениях больной непригоден».

Но в 1977 году Дворкин совершает свой главный побег. Он эмигрирует.

Америка приняла его, как принимала многих советских изгнанников. Пятнадцать лет — огромный срок. Целая жизнь. За эти годы можно было стать кем угодно. Дворкин выбрал путь академической мимикрии. Он поступил в Хантер-Колледж Городского университета Нью-Йорка, где в 1980 году получил степень бакалавра по специальности «русская литература». Затем — Свято-Владимирская духовная семинария (кандидат богословия, 1983) и, наконец, Фордхемский университет, где в 1988 году он защитил диссертацию и стал доктором философии (Ph.D.).

Здесь кроется первая фундаментальная ложь, на которой построен его авторитет в России. Дворкин позиционирует себя как религиоведа, эксперта по современным религиозным течениям. Но его диссертация и образование — это история Средних веков. Он медиевист. Специалист по Ивану Грозному и средневековым текстам. В его американском дипломе нет ни слова о социологии религии, психологии или юриспруденции.

Он изучал прошлое, но претендовал на то, чтобы судить настоящее.

Более того, все эти громкие титулы — «профессор», «доктор философии» — в российской правовой реальности являются фикцией. Прожив в России после возвращения более двадцати лет, Александр Леонидович так и не прошел процедуру нострификации. В открытых источниках нет подтверждения прохождения процедуры признания иностранного образования; сама по себе степень PhD не тождественна российской ученой степени без установленной

процедуры признания. Его «корочки» — это просто сувениры из прошлой жизни, красивые бумажки на стене, не имеющие юридической силы.

Но вернемся в Америку 80-х. Дворкин работает на радиостанции «Голос Америки» в Вашингтоне и на радио «Свобода» в Мюнхене. Он — голос демократии, вещающий на Советский Союз. Он получает зарплату от правительства США, платит налоги в американскую казну и, в конце концов, принимает присягу гражданина Соединенных Штатов.

Представьте себе эту картину: человек, который через двадцать лет будет называть правозащитников «иностранными агентами», сам является стопроцентным продуктом американской системы. Он впитал западный образ жизни, он пользовался всеми благами либеральной демократии. Но, судя по всему, Америка не дала ему главного — признания его исключительности.

В США он был одним из тысяч эмигрантов, рядовым сотрудником радиостанции, историком-медиевистом без громкого имени. Его амбиции, подпитываемые тем самым «патологическим развитием личности», требовали большего. Ему нужна была кафедра, трибуна, паства. Ему нужен был враг, которого можно победить, чтобы стать героем.

И в начале 90-х годов история дала ему такой шанс. Советский Союз рухнул. Железный занавес упал, и в образовавшийся вакуум хлынули не только товары и идеи, но и люди, желающие переписать свою биографию.

Дворкин вернулся в Россию 31 декабря 1991 года. Страна лежала в руинах, люди были дезориентированы, старые идола были повержены, а новые еще не родились. Это было идеальное время для авантюристов. Время, когда человек с хорошим английским, американским паспортом и уверенным голосом мог открыть любые двери.

Он пришел в Русскую Православную Церковь не как смиренный прихожанин, а как носитель «тайного знания». Он заявил, что Россия в опасности. Что пока страна спала, ее окружили враги — страшные, коварные секты, управляемые из-за рубежа (ирония, которую он, кажется, до сих пор не замечает).

Публицист Александр Нежный, наблюдавший за восхождением Дворкина, описал этот феномен: «Его деятельность... вызывает оторопь изумления. Ей

Богу, это какой-то Везувий... извергающий из своих недр огнедышащую лаву десятков статей, интервью, докладов и книг».

Дворкин начал конструировать свою реальность. Он первым заговорил о «подлом обычае сектантов присваивать чужое добро», об их «инфернальной тяге к убийствам». Он рисовал апокалиптические картины государственного переворота, который готовят кришнаиты и мормоны.

Но самое страшное было не в риторике, а в цифрах. Дворкин — мастер большой лжи. Он вбросил в информационное пространство статистику, от которой у обывателя волосы вставали дыбом. Он заявил о «двухстах пятидесяти тысячах разрушенных сектантами семей».

Эта цифра мгновенно разлетелась по газетам. Ее цитировали депутаты, священники, милиционеры. Никто не спросил: откуда данные? Кто вел подсчет? Когда журналисты попытались проверить этот факт и обратились в Прокуратуру РФ, на которую ссылался Дворкин, выяснилось, что такой статистики просто не существует. Профессор Н. А. Трофимчук из Академии государственной службы прямо заявил: «Дворкин врет».

Но опровержения уже никого не интересовали. Механизм был запущен. Дворкин понял главное правило постсоветской медиареальности: чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят. Особенно если она исходит от человека с американским лоском и церковным благословением.

Сергей Иваненко, религиовед, лично общавшийся с Дворкиным в 1993 году, оставил нам портрет этого человека в начале его пути: «Горящие глаза, напористая речь, безудержная демагогия и слабое знание предмета обсуждения. Мне показалось, что передо мной Хлестаков собственной персоной».

Сравнение с гоголевским Хлестаковым убийственно точно. Как и персона «Ревизора», Дворкин — это пустота, которая принимает форму ожиданий окружающих. Чиновники хотели видеть угрозу, чтобы оправдать закручивание гаек? Он дал им угрозу. Церковь хотела монополии? Он дал им обоснование для устранения конкурентов.

«Хлестакова и Дворкина роднит склонность к патологической лжи, — пишет Иваненко. — Это особое психологическое состояние. По мнению

некоторых психологов, патологические лгуны отличаются от обычных лжецов тем, что, произнося ложные утверждения, уверены в том, что говорят правду».

Но в отличие от комичного Хлестакова, Дворкин оказался опасен. Его «легкость в мыслях необыкновенная» трансформировалась в тяжелый каток репрессий. Он не просто врал — он создавал систему координат, в которой ложь становилась законом.

Когда я изучаю его ранние интервью и статьи, меня не покидает ощущение дежавю. Где-то я уже видел этот стиль. Эта безапелляционность, эта агрессия, это деление мира на «мы» и «они», эта одержимость чистотой рядов. И тут я вспоминаю его диагноз. «Бред величия», «склонность к доминированию», «мстительность».

Психиатры предупреждали, что такие люди непригодны для общественной деятельности. Они писали, что больной «нуждается в постоянном непрерывном наблюдении». Вместо этого общество само оказалось под наблюдением пациента.

Дворкин привез не демократию. Он привез методы манипуляции и пересадил их на российскую почву. Он заявил: «Все, что необходимо знать, уже издано на Западе антикультовыми организациями». Он не собирался ничего изучать. У него уже были готовые ответы.

Его диплом историка-медиевиста оказался как нельзя кстати. Ведь он строил именно Средневековье. Мир, где нет полутонов, где есть только святая инквизиция и еретики, подлежащие сожжению.

Но как этот человек, вчерашний пациент ПНД № 3, эмигрант без подтвержденного образования, смог пробиться на самый верх? Как он получил доступ к ушам министров и генералов?

Вероятно, ответ кроется в одной встрече, которая изменила все. В начале 90-х, преподавая историю церкви, Дворкин заметил в аудитории молодого, амбициозного студента. Студента, который слушал его с открытым ртом, впитывая каждое слово о врагах веры и отечества. Этого студента звали Александр Коновалов.

Через несколько лет этот студент станет Министром юстиции Российской Федерации. И он не забудет своего учителя.

Таким образом, человек из ниоткуда, человек с фальшивым имиджем и настоящим американским паспортом, нашел свой идеальный рычаг. Он перестал быть просто городским сумасшедшим, путающим прохожих рассказами о сектантах-убийцах. Он получил государственную печать.

Я смотрю на фотографию Дворкина тех лет. Он улыбается, но глаза остаются холодными. Это взгляд человека, который наконец-то получил власть, о которой мечтал в палате психиатрической лечебницы. Власть называть вещи теми именами, которые он сам придумал.

Он еще не знает, что его термин «тоталитарная секта» станет дубиной, которой будут ломать судьбы тысяч людей. Или знает? Возможно, именно в этом и заключался план. План человека, который хотел, чтобы мир, отвергший его когда-то, наконец-то начал играть по его правилам.

В архиве гаснет свет. Я убираю копию медицинской карты в папку. История болезни Александра Дворкина — это теперь история болезни целой страны. И первый симптом этой болезни — подмена понятий. Когда свобода называется угрозой, а преследование — защитой.

На столе остается лежать лишь один документ — стенограмма его выступления, где он впервые произносит слова, которые станут приговором для многих: «Мы должны защитить наше общество от тоталитарных сект».

Фраза повисает в воздухе, тяжелая, как могильная плита. Начало положено.

Глава 2: Рождение ярлыка

Слова убивают. Это не метафора, а констатация факта, известная любому, кто изучал историю пропаганды. Прежде чем нажать на спусковой крючок, нужно убедить стрелка, что перед ним не человек, а мишень. Не отец семейства,

не студентка, не сосед по лестничной клетке, а нечто чужеродное, опасное, подлежащее искоренению.

В 1993 году в российское информационное пространство был вброшен термин, который стал идеальным глушителем для совести. Он не существовал в академических словарях, его не знала юриспруденция, он отсутствовал в международном праве. Это был лингвистический фантом, химера, сшитая из двух несовместимых понятий.

Александр Дворкин произнес: «Тоталитарная секта».

В тот момент мало кто понял, что произошло. Страна, только что пережившая распад империи, была наводнена новыми идеями, проповедниками, целителями и философами. В хаосе девяностых люди искали смыслы, и рынок духовности был перенасыщен. Но Дворкин не собирался конкурировать на этом рынке. Он собирался его зачистить.

Введение этого термина было гениальным ходом с точки зрения манипуляции массовым сознанием. Давайте разберем эту конструкцию.

Первая часть — «тоталитарная». Это слово-триггер. Для постсоветского человека, еще помнящего вкус страха перед всевидящим оком государства, оно вызывает мгновенную висцеральную реакцию. Это ассоциации с колючей проволокой, ГУЛАГом, ночными допросами, подавлением воли и концлагерями. Это политический термин, пришедший из словаря холодной войны и политологии Ханны Арендт. Он сигнализирует об угрозе физической свободе.

Вторая часть — «секта». Слово с глубокими религиозными корнями, которое в православной традиции всегда означало ересь, откол, духовную гибель. Оно бьет по иррациональным страхам перед дьявольским, чужим, нечистым.

Соединив их, Дворкин создал оксюморон, ставший оружием массового поражения. «Тоталитарная секта» — это ярлык, который бьет одновременно и по гражданскому чувству самосохранения, и по религиозным фобиям. Как отмечает профессор МГУ И.Я. Кантеров, «переноса зловещий, пугающий смысл термина «тоталитарный» на область религии, создатели конструкции... рассчитывают таким способом существенно усилить обличительный заряд».

Это не научная классификация. Это приговор без суда.

Самое циничное в этой истории то, что Дворкин и его последователи прекрасно осознавали: вводить этот термин в правовое поле нельзя. Это кажется парадоксом только на первый взгляд. Если бы понятие «тоталитарная секта» получило юридическое определение в Уголовном кодексе или законе «О свободе совести», его пришлось бы доказывать. Прокурору пришлось бы собирать улики, демонстрировать наличие признаков состава преступления, проводить объективные экспертизы.

В публичных интервью Дворкин прямо подчеркивал, что слово «секта» (и тем более «тоталитарная секта») в обыденной речи может использоваться свободно, а попытка «закрепить» такие ярлыки как юридические дефиниции упирается в необходимость строгого доказывания в суде.

Вдумайтесь в этот цинизм. Главный борец с «сектами» признает, что в честном суде, опирающемся на факты и закон, его конструкция рассыплется в прах. Ему нужна не справедливость, ему нужна зона серой морали, где обвинение строится не на уликах, а на громкости крика.

Отсутствие юридического определения создает правовой вакуум, в котором расцветает произвол. Поскольку никто не знает, что такое «тоталитарная секта» с точки зрения закона, этот ярлык можно наклеить на кого угодно. На пятидесятников, кормящих бездомных. На кришнаитов, раздающих печенье. На любителей йоги. На коммерческую компанию, использующую корпоративные гимны. На реабилитационный центр для наркозависимых, если он не принадлежит РПЦ.

Доктор Кантеров справедливо указывает, что «расплывчатость наименований... позволяет причислять к таким объединениям практически любое религиозное новообразование, религиозно-философское учение, культурно-образовательное или оздоровительное учреждение».

Это универсальная дубина. И она работает безотказно.

Я держу в руках книгу Дворкина «Сектоведение». Это «библия» современной российской инквизиции. Если отбросить идеологическую шелуху и посмотреть на текст глазами лингвиста, открывается картина профессиональной дегуманизации. Автор использует метод «нанизывания»

негативных эпитетов, создавая монструозные словесные конструкции, призванные раздавить оппонента еще до начала дискуссии.

Возьмем, к примеру, его характеристику Общества сознания Кришны. Дворкин прямо относит «Общество сознания Кришны» к «деструктивным культам», а не описывает его нейтрально как «индуистскую религиозную организацию».

Каждое слово здесь — удар молотком. «Псевдо-» — отказ в подлинности. Вы не настоящие, вы подделка, фейк. «Неоязыческая» — сигнал для православных: это враги Христа. «Прозелитствующая» — они охотятся за вашими душами. «Тоталитарная» — они заберут вашу свободу.

Лингвистический анализ показывает, что это не язык науки. Ученый описывает феномен. Пропагандист создает образ врага. Приставка «псевдо-» (от греческого *pseudos* — ложь) не несет никакой смысловой нагрузки, кроме эмоционального унижения. Кто решает, что истинно, а что ложно в вопросах веры? В светском государстве — никто. В мире Дворкина — только он сам.

Этот новояз был создан не для кухонных споров. Он создавался для СМИ и чиновничьих кабинетов. И журналисты, падкие на сенсации, проглотили наживку целиком.

В середине 90-х и начале 2000-х российская пресса захлебнулась в истерике. Заголовки кричали: «Сектанты-убийцы», «Зомби среди нас», «Осторожно: деструктивный культ». Слово «секта», состоящее из пяти букв, идеально ложилось в газетную полосу. Оно было коротким, хлестким и страшным. Оно продавало тиражи.

Никто не требовал доказательств. Достаточно было мнения «эксперта» Дворкина, чтобы превратить жизнь людей в ад.

Механизм стигматизации, запущенный в 1993 году, работал как часы. Сначала создается ярлык. Затем этот ярлык через СМИ приклеивается к группе людей. Затем общество начинает воспринимать эту группу как источник опасности. И, наконец, государство получает карт-бланш на репрессии, ведь оно «защищает граждан».

Поворотным моментом в легитимизации этого словаря ненависти стала конференция, прошедшая в Санкт-Петербурге 15–16 мая 2009 года. Она носила название «Тоталитарные секты и право человека на безопасное существование». Но за фасадом академической дискуссии скрывалось судилище.

Юрист Инна Загребина, присутствовавшая на этом мероприятии, описывает его как театр абсурда. «Борцы с сектами в своей религиозной войне не гнушаются умышленной, спланированной подтасовкой материалов... и массово тиражируют в общество ксенофобию», — писала она.

На этой конференции, инициированной Дворкиным, не обсуждались права человека. Там обсуждалось, как эти права обойти. Участникам рассказывали страшилки, не имеющие подтверждения в реальности. Истории о женщине, сжегшей себя в тазу с керосином, о замученных детях, о массовых самоубийствах — этот фольклор подавался как социологические данные.

Именно там, в 2009 году, стало окончательно ясно: термин «тоталитарная секта» перестал быть маргинальным сленгом. Он вошел в лексикон чиновников, сотрудников МВД и прокуроров. Государство приняло правила игры, предложенные вчерашним эмигрантом.

Особую роль в этой системе координат играет понятие «зомбирование» или «промывание мозгов». Суть мифа проста: человек не может добровольно выбрать «неправильную» веру. Если он стал кришнаитом или баптистом, значит, его загипнотизировали, сломали, перекодировали.

Это утверждение убивает сразу двух зайцев. Во-первых, оно лишает верующего субъектности. Он больше не личность, способная на духовный поиск. Он — жертва, сломанная кукла, «биоробот». А у робота нет прав. Робота не нужно слушать, его нужно «перепрограммировать» или отключить. Во-вторых, это снимает ответственность с родственников и общества. Сын ушел в монастырь не потому, что у него конфликт с родителями, и не потому, что он ищет Бога, а потому что «злые сектанты» применили секретные психотехники.

Кирилл Товбин, исследователь-религиовед, подмечал, что у Дворкина получается «резиновая» рамка, он талантливо говорит о коммерческих культах, говорит о Herbalife, о пылесосах Kirby. Смешивает в одну кучу продавцов пылесосов, мошенников и искренне верующих людей. Дворкин размыл

границы реальности. В его мире любая группа, объединенная общей идеей, отличной от «генеральной линии», становится подозреваемой.

Но давайте вернемся к юридическому аспекту. Конституция Российской Федерации, статья 28, гарантирует каждому свободу совести и вероисповедания. Федеральный закон «О свободе совести» четко прописывает равенство религиозных объединений перед законом. Там нет слова «секта». Там нет слова «культ».

Как же Дворкину удалось обойти Основной закон страны?

Ответ кроется в подмене понятий. Он перевел дискуссию из правового поля в поле «общественной безопасности» и «духовного здоровья». Если вы назовете группу «религиозным объединением», вы обязаны соблюдать их права. Но если вы назовете их «деструктивным культом», вы как бы выводите их за скобки закона. Вы объявляете их угрозой национальной безопасности.

Массимо Интровинье, итальянский социолог, наблюдавший за этим процессом со стороны, предупреждал: «Нетерпимость опасна не из-за того, чем она является сегодня, а из-за того, к чему она приведет завтра». Он видел, как медленно, шаг за шагом, через статьи, фильмы и конференции, в России создавалась атмосфера, в которой погром становится приемлемым методом дискуссии.

Психологический терроризм — вот точное определение того, чем занималась созданная Дворкиным сеть в эти годы. Запугивание населения. Создание атмосферы осажденной крепости. «Каждый, кто читает или слышит об очередной организации, названной «секта» ... подсознательно испытывает страх за свое благополучие», — пишут исследователи.

Этот страх конвертируется во власть. Тот, кто указывает на врага, становится необходимым. Он становится экспертом, консультантом, спасителем.

К концу 2000-х годов конструкция была завершена. Ярлык «тоталитарная секта» стал универсальной желтой звездой, которую можно нашить на одежду любого неудобного. Для этого не нужен суд. Достаточно «сектоведческой экспертизы», написанной на коленке историком-медиевистом или его учениками.

Мы видим здесь классический пример того, как язык формирует реальность. Сначала было слово. И слово это было ложью. Но повторенное тысячи раз с экранов телевизоров, с кафедр университетов и с амвонов церквей, оно стало правдой для миллионов людей.

Они поверили, что живут в кольце врагов. Они поверили, что их соседи, читающие Бхагавадгиту или Евангелие в «неправильном» переводе, — это спящие агенты зла, зомби, готовые в любой момент совершить ритуальное самоубийство или продать квартиру.

Общество было подготовлено. Почва была унавожена страхом и ненавистью. Инструментарий дегуманизации был отточен до блеска. Оставалось только найти руки, которые возьмут этот инструмент и начнут применять его на государственном уровне, превращая частную паранойю в системный террор.

И эти руки нашлись.

В тишине кабинетов Министерства юстиции уже готовились документы, в которых терминология Дворкина, пусть и негласно, становилась руководством к действию. Но чтобы понять, как именно маргинальная теория стала государственной практикой, нам нужно подняться по иерархической лестнице выше. Туда, где ученик, впитавший яд учителя, получил власть превращать слова в тюремные сроки.

Я смотрю на список организаций, ликвидированных в России за последние годы. За каждой строчкой — судьбы людей. И на каждой из этих судеб стоит невидимая печать, поставленная в далеком 1993 году: «Тоталитарная секта».

Изобретение ярлыка было лишь первым актом трагедии. Сцена была построена, декорации расставлены. Актеры надели маски. Теперь начиналось самое страшное — захват вертикали власти.

Глава 3: Захват вертикали

Власть в России любит тишину ковровых дорожек и тяжесть дубовых дверей. Она не терпит уличного шума и маргинальных криков. Поэтому долгое время казалось, что Александр Дворкин с его экзальтированной риторикой и пугающими историями о «зомби-убийцах» так и останется феноменом бульварной прессы и церковных притворов. Городским сумасшедшим, которому иногда позволяют выступить на ток-шоу для поднятия рейтингов.

Но в 2008 году произошло событие, которое изменило архитектуру российской внутренней политики. Ключ от задней двери Министерства юстиции — ведомства, призванного быть бесстрастным хранителем закона, — оказался в руках человека, для которого закон был лишь досадной помехой на пути к «духовной чистоте».

Мы часто ищем причины репрессий в секретных приказах спецслужб или геополитических стратегиях Кремля. Но иногда история делает крутой поворот из-за банальной студенческой зачетки.

В мае 2008 года кресло Министра юстиции Российской Федерации занял Александр Владимирович Коновалов. Человек с безупречной биографией прокурорского работника, тихий, исполнительный, набожный. В кулуарах его называли «тайным монахом», хотя сам он эти слухи публично отвергал. Однако дыма без огня не бывает: Коновалов действительно был глубоко воцерковленным человеком, и, что важнее для нашего расследования, он имел диплом Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ).

Именно в аудиториях этого университета, задолго до своего министерского триумфа, студент-заочник Коновалов слушал лекции профессора Дворкина.

Связка «учитель — ученик» — одна из самых прочных в человеческой психологии. Авторитет преподавателя, закладывающего фундамент мировоззрения, часто остается непререкаемым на всю жизнь. Дворкин не просто читал Коновалову историю церкви. Он передавал ему свою оптику, свой

черно-белый фильтр восприятия реальности, где мир поделен на «своих» (православных) и «чужих» (сектантов, агентов, врагов).

Когда ученик получил власть, учитель получил доступ к рычагам этой власти.

Это был классический захват вертикали. Не через выборы, не через общественную дискуссию, а через личную унию. Частная паранойя одного человека, помноженная на административный ресурс другого, породила монстра, который в 2009 году обрел плоть и кровь в виде Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ.

До 2009 года подобный совет существовал, но он был, по сути, «спящим» органом, состоящим из академических ученых. Они спорили о терминах, писали скучные заключения и старались не вмешиваться в жизнь религиозных общин без веских причин. Это была бюрократия, но бюрократия научная.

С приходом Коновалова и воцарением Дворкина произошла кадровая чистка, которую можно сравнить разве что с идеологическими чистками в советских институтах 30-х годов.

Я изучил список нового состава Совета, утвержденный приказом министра. Это документ, который должен войти в учебники политологии как пример вопиющей некомпетентности, возведенной в ранг государственного стандарта. Из него были вычищены практически все независимые религиоведы, социологи и правоведы, имевшие смелость иметь собственное мнение.

Кто же пришел им на смену?

Председателем совета стал сам Александр Дворкин. Человек без профильного образования, признанного в РФ. Человек, чьи теории на Западе считаются маргинальными, а методы — незтичными. Но теперь его подпись стояла на документах, решающих судьбы тысяч организаций.

Вместе с ним в совет вошла целая плеяда персонажей, чья квалификация вызывала оторопь у профессионального сообщества. Инженеры, журналисты, активисты общественных организаций. Их объединяло только одно: все они были связаны с РАЦИРС (Российской ассоциацией центров изучения религий и сект) — детищем Дворкина.

Анатолий Пчелинцев, почетный адвокат России и главный редактор журнала «Религия и право», в то время не сдерживал эмоций: «Более непрофессионального состава вообще представить, с моей точки зрения, невозможно. Мы не увидели среди членов экспертного совета, 24 человек, религиоведов, учёных, за исключением двух. А остальные — журналисты, инженеры, люди, весьма далёкие от науки».

Но проблема была не только в отсутствии дипломов. Проблема была в том, что в кресла беспристрастных судей сели люди, которые годами зарабатывали на разжигании ненависти.

В состав совета вошли Александр Кузьмин, Евгений Мухтаров, Андрей Васильченко. Имена, мало что говорящие широкой публике, но хорошо известные в узких кругах борцов с инакомыслием. Это были не эксперты. Это были солдаты идеологической войны.

Ситуация доходила до абсурда, достойного пера Кафки. В то время как Александр Кузьмин заседал в Минюсте, решая, что является экстремизмом, а что нет, суд в Хабаровске рассматривал дело о признании экстремистским материалом листовки, автором которой был... сам Александр Кузьмин.

«У меня есть юридические основания для такого утверждения, — заявлял тогда адвокат Пчелинцев. — Только что решением Центрального районного суда города Хабаровска по иску прокурора Хабаровского края признана экстремистским материалом одна из листовок. Автором этой листовки является не кто иной, как А.В. Кузьмин... В частности, в его листовке содержатся призывы к разжиганию религиозной ненависти и вражды».

Представьте себе: человек, чья листовка была признана судом экстремистским материалом, входит в федеральный совет, призванный защищать государство от экстремизма. Это не просто конфликт интересов. Это полное разрушение правовой логики.

Но для Дворкина и Коновалова это не имело значения. Им нужны были не ученые, сомневающиеся и взвешивающие факты. Им нужны были исполнители. «Я понял, что эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают», — эта фраза, приписываемая одному из циничных чиновников той эпохи, идеально описывает принцип формирования нового органа.

Ремир Лопаткин, профессор Российской Академии госслужбы, один из старейших религиоведов страны, с ужасом наблюдал за происходящим: «Тот акт, который мы сейчас перед собой имеем, направлен на раздор, на сеяние вражды в обществе, на натравливание одной части общества на другую... Министерство юстиции присваивает себе и частично делегирует совету полномочия, которых оно не может иметь по закону».

Лопаткин указывал на фундаментальное нарушение Конституции. Совет получил право контролировать не только уставную деятельность, но и «формы и методы» религиозной жизни. Государство влезло в святая святых — во внутреннюю жизнь общин. Теперь чиновник (или, что хуже, «сектовед» с корочкой эксперта) мог решать, правильно ли верующие молятся, те ли книги читают и достаточно ли они лояльны.

2009 год стал точкой невозврата. Именно тогда частная лавочка Дворкина — РАЦИРС — фактически слилась с государственным аппаратом.

Что такое РАЦИРС? Формально — общественная организация. По факту — разветвленная сеть осведомителей и провокаторов, дублирующая функции спецслужб. Дворкин создал структуру, которая работает по принципу «одного окна» для репрессий.

Механизм, отлаженный в 2009 году, работает следующим образом. Сначала региональное отделение РАЦИРС (какой-нибудь «Центр помощи пострадавшим», состоящий из двух человек) пишет донос в прокуратуру или Центр «Э» (по борьбе с экстремизмом). В доносе используются термины Дворкина: «тоталитарная секта», «психологическое насилие», «вербовка». Силовики, не имея собственной компетенции в вопросах религии, обращаются за экспертизой. Куда? В Экспертный совет при Минюсте или к аффилированным с ним «специалистам» на местах. Круг замыкается. Те же люди, что инициировали преследование, пишут экспертное заключение, подтверждающее опасность группы. Суд, видя бумагу с печатью Минюста или подписью «профессора», штампует решение.

Это идеальный конвейер по производству уголовных дел. И он был запущен именно благодаря покровительству министра Коновалова.

В мае 2009 года этот альянс был продемонстрирован публично и с помпой. В Санкт-Петербурге прошла конференция FECRIS (Европейской федерации центров исследований и информирования о сектантстве). Это событие должно было легитимизировать Дворкина в глазах российской элиты, показав его «международный статус».

В списке участников значился министр юстиции Александр Коновалов. Его ждали с приветственным словом. И хотя в последний момент, видимо, опасаясь репутационных рисков из-за скандальной славы FECRIS в Европе, министр не выступил лично, его приветствие зачитало доверенное лицо. Но сам факт: федеральный министр приветствует собрание радикальных антикультистов, где Дворкин избирается вице-президентом.

Фотографии с того мероприятия говорят больше, чем тысячи слов. Чиновники в дорогих костюмах и фанатики с горящими глазами сидят за одним столом. Граница между государством и сектой (в социологическом смысле этого слова — как закрытой группы с тоталитарным лидером) стерлась.

Валерий Отставных, бывший член РАЦИРС, который позже нашел в себе силы порвать с этой структурой и рассказать правду, в одном из интервью прямо указал на эту связь: «Министром юстиции у нас является господин Коновалов. Александр Коновалов, можно сказать, мой соученик. Мы вместе учились заочно у Александра Леонидовича Дворкина... Он создал экспертный религиозоведческий совет при Министерстве юстиции, в который включил Дворкина и ещё многих ребят из РАЦИРС».

«Ребята из РАЦИРС» получили в свои руки дубину государственной власти. И они не замедлили ею воспользоваться.

Первой мишенью, на которой обкатывалась эта машина, стали Свидетели Иеговы. Именно в 2009 году, сразу после формирования нового совета, началась системная атака на эту организацию. Это не было случайным совпадением. Дворкин давно называл их одной из главных угроз. Теперь у него появилась возможность превратить свои слова в судебные иски.

В новом Положении об Экспертном совете, принятом при Коновалове, полномочия органа были существенно расширены. Теперь экспертизы могли проводиться для признания литературы экстремистской. Это открыло ящик

Пандоры. Любая священная книга, любой буклет, где говорилось о превосходстве одной веры над другой (что свойственно практически любой религии), могли быть объявлены вне закона.

Началась эпоха «списков запрещенной литературы»: федеральный список экстремистских материалов быстро разрастался, и в религиозной сфере под запреты попадали тексты самых разных традиций. И за каждым таким запретом стояла тень «экспертов» Дворкина.

Но самое страшное заключалось в том, что эта система начала работать автономно. Дворкин создал прецедент: идеология стала выше права.

В 2014 году, когда вокруг деятельности совета разгорелся очередной скандал и общественное возмущение достигло пика, Дворкин совершил тактический маневр. Он формально ушел с поста председателя, став заместителем. Состав совета был «обновлен», сокращен и закрыт от прессы. Но суть не изменилась. Как говорят источники внутри министерства, Дворкин сохранил полное влияние на принятие решений. Уход в тень был лишь способом вывести фигуру лидера из-под прямого удара критики.

«Заместители, как правило, всегда выпадают из поля зрения общественности, ведь для народа традиционно “кого видим, того и бьём”», — отмечают аналитики. Дворкин стал «серым кардиналом» при Минюсте, кукловодом, дергающим за ниточки из темноты.

К чему это привело? К тому, что Россия, страна, победившая нацизм, начала перенимать практики, пугающе напоминающие методы Третьего Рейха. Сравнение может показаться резким, но давайте посмотрим на факты.

В нацистской Германии тоже были «экспертные советы», определявшие, какое искусство является «дегенеративным», а какая наука — «еврейской». Там тоже право подменялось «целесообразностью» и «защитой народного духа». Там тоже судьбу людей решали не законы, а идеологически заряженные бюрократы.

Назначение Дворкина — человека с задокументированным психиатрическим прошлым, склонного к мессианству и агрессии, — на должность главного инквизитора страны многие сравнивают с карьерным

взлетом Николая Ежова при Сталине. Ежов тоже был фанатиком, исполнителем, «кровавым карликом», чьими руками творился Большой террор.

Дворкин, конечно, не расстреливает людей в подвалах. В XXI веке методы изменились. Вместо пули — судебный запрет. Вместо ГУЛАГа — ликвидация юридического лица и конфискация имущества. Вместо «тройки» НКВД — Экспертный совет Минюста. Но суть — уничтожение инакомыслия — осталась прежней.

Захват вертикали завершился полным успехом. К концу 2010-х годов в России практически не осталось независимой религиоведческой экспертизы, к которой прислушивалось бы государство. Академическая наука была вытеснена в гетто университетских кафедр, а реальную политику определяли «сектоведы».

Министр Коновалов пробыл на своем посту до января 2020 года — целых двенадцать лет. Это огромный срок, за который «дворкинская» система пустила глубокие корни в тело российской юстиции. Она стала нормой. Выросло целое поколение прокуроров и судей, для которых термин «тоталитарная секта» является юридическим фактом, а мнение Дворкина — истиной в последней инстанции.

Даже после ухода Коновалова с поста министра (он перешел на должность полпреда президента в Конституционном суде, сохранив огромное влияние), механизм продолжает работать по инерции. Шестеренки, смазанные ненавистью, крутятся исправно.

Я смотрю на документ, лежащий передо мной. Это заключение религиоведческой экспертизы по одному из недавних дел. Текст написан сухим, канцелярским языком, но сквозь него проступают знакомые интонации. Те же ярлыки, те же бездоказательные обвинения, та же логика презумпции виновности.

Под документом стоит подпись. Фамилия эксперта мне неизвестна — это кто-то из «новых», из тех, кого вырастила система РАЦИРС. Но почерк — идеологический почерк — узнаваем безошибочно. Это почерк Александра Дворкина.

Он не просто захватил власть. Он клонировал себя. Он создал армию маленьких инквизиторов, которые теперь сидят в кабинетах по всей стране — от

Калининграда до Владивостока. И каждый из них уверен, что спасает Россию, подписывая очередной приговор свободе совести.

В коридорах Минюста на Житной улице все так же тихо. Ковровые дорожки глушат шаги. Но если прислушаться, можно услышать, как за закрытыми дверями скрипят перья, переписывая судьбы людей. Вертикаль выстроена. И на ее вершине, невидимый для непосвященных, сидит человек, который когда-то сбежал из СССР, чтобы построить свой собственный, «православный» Советский Союз, но уже без права на ошибку.

Система готова к бою. Оружие заряжено. Осталось только выбрать следующую цель. И, как показывает история, в таких системах целью рано или поздно становится каждый.

Но чтобы понять, как именно эти «эксперты» обосновывают свои решения, нам нужно спуститься с бюрократических высот в мутные воды псевдонауки. Туда, где рождаются мифы о «промыывании мозгов» и где социология подменяется конспирологией.

Глава 4: Псевдонаука на службе террора

На столе следователя, среди папок с уголовными делами и протоколов допросов, часто можно увидеть одну и ту же книгу. Увесистый том в твердом переплете, название которого выведено крупными, тревожными буквами: «Сектоведение. Тоталитарные секты». Для непосвященного это может выглядеть как академический труд, скучная монография профессора. Но для тех, кто знает изнанку российской репрессивной машины, эта книга — не источник знаний. Это инструкция по заряданию оружия.

Если вы попытаетесь найти дисциплину «сектоведение» в реестрах Оксфорда, Сорбонны или Гарварда, вас ждет разочарование. В международном

академическом сообществе такой науки в качестве общепринятой академической дисциплины не существует. Есть социология религии, есть история религий, есть теология. Все эти дисциплины изучают феномен веры, опираясь на факты, наблюдение и принцип нейтральности. Исследователь не должен любить или ненавидеть объект своего изучения, точно так же как биолог не должен испытывать личную неприязнь к бактериям или симпатию к дельфинам. Его задача — понять и описать.

Александр Дворкин и созданная им школа пошли другим путем. Они изобрели «науку», единственной целью которой является уничтожение объекта исследования.

«Сектоведение» — это уникальный российский симулякр. Это псевдонаучная химера, где под видом академического анализа скрывается чистая, дистиллированная идеология нетерпимости. Открывая этот «учебник», вы попадаете в мир кривых зеркал. Здесь презумпция невиновности отменена. Здесь любой, кто молится иначе, чем предписано «традицией», уже виновен — вопрос лишь в том, чтобы подобрать под эту вину подходящую статью Уголовного кодекса.

Я внимательно изучил этот фундаментальный труд, выдержавший множество переизданий. С точки зрения методологии, это катастрофа. Вместо статистики — анекдоты из желтой прессы. Вместо анализа доктрин — вырванные из контекста цитаты. Вместо полевых исследований — пересказ слухов. Но именно эта книга стала краеугольным камнем, на котором выстроена современная практика преследования инакомыслящих в России.

Механизм, который Дворкин внедрил в российское правосудие, гениален в своей порочности. Я называю его «циклом легитимизации лжи».

Работает это так.

Этап первый: Дворкин пишет в своей книге, что некая группа (например, кришнаиты или пятидесятники) может быть связана с ритуальными убийствами, мошенничеством или описывается им как часть «иностранного влияния». Доказательств не приводится, ссылки ведут на газетные статьи или на самих себя.

Этап второй: Следователь или прокурор, получив заказ на возбуждение дела, открывает «Сектоведение». Он видит там нужные формулировки. Но книга — это не доказательство для суда. Нужна экспертиза.

Этап третий: Следствие заказывает «религиоведческую экспертизу». Кому? Разумеется, специалистам, рекомендованным автором «учебника». Часто это члены РАЦИРС или сотрудники кафедр, лояльных Дворкину.

Этап четвертый: Эксперт пишет заключение, во многом повторяющее тезисы из книги Дворкина. Теперь это уже не частное мнение, а «научный факт», заверенный печатью.

Этап пятый: Суд выносит обвинительный приговор, опираясь на экспертизу.

Этап шестой (замыкающий круг): В следующем издании своей книги или в новой статье Дворкин пишет: «Преступная сущность этой секты доказана судом», ссылаясь на приговор, который был вынесен на основании его же собственных измышлений.

Это идеальная замкнутая система. Круговая порука, где ложь, пройдя через жернова бюрократии, превращается в истину в последней инстанции.

Чтобы понять, как именно «сектоведение» подменяет науку пропагандой, достаточно провести лингвистический анализ текстов самого Дворкина. Независимые эксперты, взявшиеся за этот труд, пришли к выводам, которые должны были бы заинтересовать прокуратуру — если бы прокуратура не использовала эти тексты как руководство к действию.

Книга «Сектоведение» пропитана языком вражды. Это не сухой язык науки. Это язык митинга, язык погрома. Автор систематически использует стратегии демонизации и дегуманизации.

Вот лишь несколько примеров, которые в любой правовой системе, не искаженной идеологией, стали бы основанием для обвинения в экстремизме. Об индуизме Дворкин пишет: «Индуизм, особенно в своем оккультном аспекте, питает и, возможно, составляет ядро формирующейся на наших глазах религии или, вернее, консенсуса религий антихриста». Вдумайтесь в эту фразу. Мировая религия с миллиардом последователей, древнейшая духовная традиция

объявляется «религией антихриста». Это не богословский диспут. В контексте светского государства это прямое разжигание межрелигиозной розни. Это сигнал для любого оперативника: перед тобой враг, слуга абсолютного зла.

Доктор юридических наук, профессор Михаил Кузнецов, проанализировав этот труд еще в 2000 году, дал ему убийственную характеристику: «С точки зрения научного религиоведения... книга А. Дворкина совершенно бесполезна... Указанная книга методически неграмотна... Создаётся устойчивое впечатление, что автор порою сам не понимает предмета своего исследования». Кузнецов пошел дальше, отметив пугающую деталь: стиль изложения, хаотичность мысли и одержимость идеями заговора «поразительно напоминают мнение психиатров о психическом состоянии самого Дворкина».

Но в судах слушают не профессора Кузнецова. В судах слушают тех, кто готов подтвердить: «Да, это экстремизм».

Апофеозом этой псевдонаучной вакханалии стал процесс, который вошел в историю как «Суд над Бхагавад-гитой». Это событие 2011 года в Томске стало лакмусовой бумажкой, показавшей, насколько глубоко метастазы «сектоведения» проникли в тело российской юстиции.

Представьте себе сюрреалистическую картину. Прокуратура города Томска требует признать экстремистским материалом книгу «Бхагавад-гита как она есть» — комментарии к священному тексту индуизма. Основание? Заключение экспертов из Томского государственного университета.

Кто же были эти эксперты, взявшие на себя смелость судить текст, которому тысячи лет? Были ли это индологи, санскритологи, философы? Нет. Экспертизу проводили люди, не имевшие никакого отношения к изучению индуизма. Их квалификация ограничивалась лояльностью к идеям Дворкина и его сети РАЦИРС.

Ключевую роль в инициировании этого позорного процесса сыграли подчиненные Дворкина — Максим Степаненко и другие активисты антикультового движения. Именно они написали доносы, именно они консультировали прокуратуру.

В ходе судебных заседаний абсурд происходящего стал очевиден даже для далеких от религии людей. Прокуроры на полном серьезе зачитывали цитаты из

древнего эпоса, где Кришна призывает воина Арджуну сражаться, и трактовали это как «призыв к насильственным действиям» и «разжигание социальной розни». Метафоры духовной битвы интерпретировались буквально, как инструкции для террористов.

Это было прямое следствие методологии Дворкина: игнорирование исторического и культурного контекста, буквализм и поиск врага. «Сектоведение» учит: не ищи смысл, ищи компромат.

Процесс вызвал международный скандал. Индийский парламент и политики в Индии публично реагировали, дипломаты писали ноты протеста. Россия оказалась в положении страны-дикаря, где сжигают книги, признанные культурным достоянием человечества. В итоге суд был вынужден отказать прокуратуре, но сам факт того, что такой процесс стал возможен, показал: система защиты здравого смысла сломана. Псевдонаука получила право голоса в зале суда.

Но если в Томске атака была отбита благодаря международному давлению, то в сотнях других, менее громких дел, машина работала безотказно. И методы «экспертов» становились все более грязными.

Речь идет не просто о некомпетентности. Речь идет о сознательной фальсификации.

Показательным примером является деятельность эксперта Астаховой, одной из верных последовательниц методологии Дворкина. В 2015 году, проводя экспертизу по делу саентологов в Измайловском суде Москвы, она совершила то, что в академической среде называется «интеллектуальным подлогом», а на языке уголовного права — фальсификацией доказательств.

В своем заключении Астахова привела цитату, якобы принадлежащую Рону Хаббарду, основателю саентологии. Цитата была чудовищной, подтверждающей самые страшные обвинения в экстремизме. Она указала страницу и название книги. Казалось бы, железный аргумент.

Но адвокаты сделали то, чего «сектоведы» не ожидали: они открыли книгу. На указанной странице этой цитаты не было. Ее не было и на соседних страницах. Ее не было в книге вообще. Защита в суде заявила, что цитата была приписана автору ошибочно, и назвала это «интеллектуальным подлогом».

Когда в суде вскрылся этот факт, защита заявила: «Эксперт произвела интеллектуальный подлог... Это все равно, что если бы оценивая от чего умер человек, она бы капнула туда яду и сказала бы, что его отравили».

Думаете, Астахова понесла наказание? Была ли она лишена права проводить экспертизы? Было ли возбуждено дело о лжесвидетельстве? Нет. Система своих не сдает. Подобные «ошибки» считаются допустимыми потерями в священной войне против «сект».

Этот случай — не эксцесс исполнителя. Это системный метод. Дворкин и его сеть РАЦИРС создали конвейер по производству таких экспертиз. Они поняли, что суды, перегруженные делами и не разбирающиеся в тонкостях теологии, примут любую бумагу, если она оформлена по правилам и исходит от «проверенных людей».

«Сектоведение» как дисциплина выполняет функцию дымовой завесы. Оно придает средневековой охоте на ведьм видимость современной юридической процедуры. Инквизитор больше не носит рясу с капюшоном. Он носит костюм, имеет ученую степень (пусть и сомнительную) и называет себя «судебным экспертом-религиоведом».

Но суть остается прежней: обвинитель, судья и палач — это одно лицо.

В этой системе координат объективная истина не просто не нужна — она опасна. Настоящие ученые-религиоведы, такие как Николай Шабуров, Екатерина Элбакян, Владимир Винокуров, были во многих кейсах оттеснены из поля принятия государственных решений. Их заключения, основанные на научном анализе, суды нередко игнорируют, предпочитая им фантазии «сектоведов».

Почему? Потому что наука дает сложные ответы. Наука говорит: «Это религиозное движение имеет свои особенности, свою историю, свои социальные причины». А государству, настроенному на зачистку поля, нужны простые ответы. Ему нужно услышать: «Это враги. Запретить. Посадить». И Дворкин дает именно такой ответ.

Его книга «Сектоведение» — это не исследование. Это вердикт, вынесенный до начала суда.

Я листаю страницы этого «учебника». Глава за главой, абзац за абзацем, передо мной разворачивается картина мира, в котором нет места инакомыслию. Это мир черно-белый, плоский и страшный. Мир, где любой духовный поиск, выходящий за рамки одобренного государством стандарта, является патологией.

Самое страшное в этой книге не то, что в ней написано. Самое страшное — как она используется. Она стала фильтром, через который российские силовики смотрят на свой народ.

Когда оперативник Центра «Э» читает в «Сектоведении» о том, что пятидесятники используют «гипноз», а кришнаиты — «психологическое насилие», он не требует доказательств. Он верит авторитету. И когда он приходит с обыском в молитвенный дом, он видит перед собой не верующих граждан своей страны, а зомбированных фанатиков, с которыми нельзя договориться — их можно только нейтрализовать.

Псевдонаука на службе террора — это не гипербола. Это точное описание реальности, где термины «деструктивный культ» и «тоталитарная секта» стали юридическими дубинами, которыми ломают жизни.

Но если вы думаете, что эта проблема ограничивается только религией, вы ошибаетесь. Технология, отработанная на «сектантах», универсальна. Если можно объявить экстремистом человека за то, что он читает «неправильную» книгу о Боге, то что мешает объявить экстремистом того, кто читает «неправильную» книгу по истории или политологии?

Механизм создан. Эксперты обучены. Прецеденты созданы.

В тишине судебных залов, под шелест страниц фальшивых экспертиз, умирает не просто свобода совести. Умирает само понятие правосудия, основанного на фактах. На его место приходит целесообразность, диктуемая страхом и ненавистью.

И пока я закрываю тяжелый том «Сектоведения», меня не покидает ощущение, что из фундамента правового государства вынули кирпич. Стена уже

пошла трещинами. И сквозь эти трещины веет холодом, знакомым нам по учебникам истории 30-х годов.

Но чтобы понять, откуда именно дует этот ветер, нам придется заглянуть еще глубже. Туда, где псевдонаука встречается с карательной медициной. В следующую главу нашей истории, где диагноз становится политическим инструментом.

Глава 5: Тень Сербского

Запах казенного дома ни с чем не спутать. Это смесь хлорки, переваренной капусты и застарелого, въевшегося в стены отчаяния. Я стою у ворот здания в Кропоткинском переулке в Москве. Институт имени Сербского. Для любого, кто знаком с историей советского диссидентства, это название звучит как удар хлыста. Здесь, за этими стенами, десятилетиями ломали тех, кого не удавалось сломать в лагерях. Здесь инакомыслие превращали в диагноз.

Казалось бы, эта страница истории должна была быть перевернута в 1991 году. Но, занимаясь исследованием деятельности Александра Дворкина и его сети, я с ужасом обнаружил, что «карательная психиатрия» не умерла. Она просто сменила вывеску. Если раньше диагнозы ставили за чтение «Архипелага ГУЛАГ», то теперь их ставят за чтение книг, не одобренных антикультовыми идеологами.

Мы привыкли думать о репрессиях как о судах и тюрьмах. Но есть более страшный вид несвободы — когда государство объявляет тебя сумасшедшим только потому, что ты веришь не так, как положено. И в центре этого возрождающегося кошмара снова стоит фигура «профессора»-сектоведа.

Парадокс ситуации заставляет содрогнуться: человек, который сам в юности имел психиатрический диагноз, сегодня активно участвует в формировании экспертной среды, где религиозные убеждения нередко трактуются как признак патологических отклонений. Теперь он находится по

другую сторону смотрового глазка — не объект медицинского заключения, а тот, чьи идеи и методология влияют на появление таких заключений.

Чтобы понять, как это работает сегодня, нужно вспомнить, как это работало вчера. В архивах я нашел документы эпохи Юрия Андропова. Председатель КГБ, а затем генсек, был прагматиком. Он понимал, что массовые расстрелы портят имидж страны на международной арене. Куда эффективнее объявить оппонента душевнобольным.

Так родилась концепция «вялотекущей шизофрении» — диагноза-призрака, изобретенного академиком Андреем Снежневским и его коллегой Дмитрием Лунцем. У этой «болезни» не было четких симптомов. «Бред реформаторства», «сутяжничество» (попытки отстаивать свои права), «религиозная экзальтация» — все это подпадало под диагноз. Как цинично шутили в органах: «Был бы человек, а диагноз найдется».

Советская власть рухнула, но врачи остались. Остались методички, остались институты, остались ученики Снежневского. И в этот готовый, лишь слегка заржавевший механизм Александр Дворкин вставил новый ключ зажигания — концепцию «промывания мозгов».

Это понятие (brainwashing) не является научным. Ни в МКБ-10, ни в американской DSM-5 вы не найдете такого заболевания. Серьезные социологи и психологи на Западе давно отвергли его как псевдонаучный миф. Термин вошёл в англоязычный оборот в начале 1950-х (Эдвард Хантер) на фоне Корейской войны и холодной войны для объяснения того, почему американские солдаты переходили на сторону коммунистов. Но для российских борцов с сектами этот миф стал философским камнем.

Логика Дворкина и его последователей из РАЦИРС убийственно проста и не допускает возражений. Она строится на силлогизме:

1. Ни один нормальный человек добровольно не станет кришнаитом, пятидесятником или саентологом.
2. Если он им стал, значит, над ним совершили насилие — «промыли мозги», загипнотизировали, перекодировали.

3. Следовательно, такой человек не является дееспособным. Он не личность, он — жертва, «биоробот». Его волеизъявление не имеет юридической силы.

Эта конструкция позволяет обходить любые законы о правах человека. Зачем соблюдать права «зомби»? Зомби нужно изолировать и «лечить». Принудительно.

Я беседовал с адвокатами, которые защищают верующих в современных российских судах. Они рассказывают вещи, от которых кровь стынет в жилах. Схема отработана до автоматизма. Сначала медийная атака: человека или группу объявляют «сектантами». Затем следует донос от активистов РАЦИРС. А потом — назначение судебно-психиатрической экспертизы.

И вот здесь на сцену выходят старые знакомые. Психиатры, воспитанные на дрожжах школы Снежневского, охотно сотрудничают с «сектоведами». Для них это понятная работа: есть «норма» и есть «патология».

Один из самых вопиющих случаев, который мне удалось раскопать, произошел в Крыму. Это история Александра Сизикова. Она настолько абсурдна и жестока, что кажется сценарием для антиутопии, но это сухая реальность протоколов 2020 года.

Александр Сизиков — мусульманин. И он полностью слепой. Он потерял зрение в 2009 году после тяжелой травмы. В 2020 году к нему в дом ворвались сотрудники ФСБ. Его обвинили в организации террористической ячейки партии «Хизб ут-Тахрир» (запрещена в РФ, но легальна во многих странах мира, включая Украину).

Главным доказательством «терроризма» стали книги, найденные в его доме. Книги, которые слепой инвалид физически не мог читать — они были обычными, без шрифта Брайля. Сизиков не открывал их с момента потери зрения. Но для машины подавления это не имело значения.

Что сделали с Сизиковым? Его не отправили в тюрьму — видимо, сажать слепого инвалида было бы слишком даже для российского «правосудия». Его отправили на принудительную стационарную психиатрическую экспертизу.

Вдумайтесь в формулировку: «для решения экспертных вопросов». Слепого человека вырывают из привычной среды, где он хоть как-то научился ориентироваться, и помещают в закрытый стационар, в условия полной изоляции и стресса. Это пытка. Чистая, рафинированная пытка, замаскированная под медицинскую процедуру.

И это не единичный сбой системы.

Антикультисты создали идеальную ловушку. Если ты веришь в Бога «неправильно», ты попадаешь в категорию риска. Если ты пытаешься защищаться, писать жалобы, цитировать Конституцию — это трактуется как «сутяжничество» и «отсутствие критики к своему состоянию», что является прямым симптомом психического расстройства в парадигме карательной психиатрии.

Как писал диссидент Александр Подрабинек в своей книге «Карательная медицина»: «Карательная медицина — орудие борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе, чем это предписано».

Но корни этого альянса уходят глубже, чем просто советское наследие. Мое расследование вывело меня на неожиданный международный след, который показывает, что Дворкин не одинок в своем стремлении скрестить психиатрию с инквизицией.

Нити ведут на Балканы, в Сербию.

В списках участников конференций FECRIS (той самой европейской организации, вице-президентом которой был Дворкин) я наткнулся на имя полковника Братислава Петровича. Это не просто врач. Это нейропсихиатр, полковник Военно-медицинской академии (ВМА) в Белграде.

Петрович — фигура знаковая. В 90-е годы, во время кровавого распада Югославии, он и его коллеги из ВМА разрабатывали теории «психологической войны». Они учили офицеров и солдат, что враг — это не просто человек другой национальности, а носитель чуждой ментальности.

В 2002 году на конференции в Барселоне полковник Петрович с гордостью заявил, что с тех пор, как он «начал бороться с сектами» в 1993 году, он обучил этому вопросу врачей, психологов и учителей.

Что это было за обучение? Петрович и его группа проводили «антисектантские» мероприятия и обучение, в которых новые религиозные движения подавались как социально опасное явление, а работа против них велась в связке медиков/психологов, полиции и представителей Сербской православной церкви. Он проводил конференции совместно с иерархами и священнослужителями Сербской православной церкви, где смешивал богословие с психиатрией. Трансцендентальная медитация, индуистские группы — все это объявлялось угрозой национальной безопасности и психическому здоровью нации.

Связь здесь прямая. Дворкин и Петрович — это братья по разуму. Оба используют авторитет науки (в данном случае медицины) для обоснования ненависти. Оба работают в тесной связке с церковными фундаменталистами. И оба рассматривают верующего человека не как субъекта права, а как объект для «лечения» или нейтрализации.

В России этот опыт был воспринят с энтузиазмом. РАЦИРС стала проводником этих идей. Агенты этой сети распространяют риторику о том, что люди в «культах» обладают нестабильной психикой. Это создает презумпцию виновности.

«Черные списки», составляемые антикультистами, фактически становятся направлениями в психдиспансер. В эти списки попадают не только религиозные группы, но и коммерческие организации, тренинги личностного роста, экологические движения. Любая группа, имеющая сильную идеологию и лидера, может быть названа «психокультom».

А дальше вступает в действие фармакология.

В советское время символом карательной психиатрии был аминазин. Этот нейролептик вызывал тяжелые побочные эффекты (вплоть до выраженной заторможенности, мышечной ригидности, акатизии и общего «обездвиживания»), что делало его удобным инструментом насильственного подавления. Сегодня арсенал врачей стал шире, но суть осталась прежней.

Пребывание в психиатрическом стационаре на «экспертизе» может длиться от одного до шести месяцев. Полгода жизни, вычеркнутые из реальности. Полгода в окружении тяжелобольных людей, под воздействием препаратов, которые тебе могут колоть «по показаниям» (например, если ты слишком активно протестуешь).

Правозащитники отмечают, что последствия такого «обследования» часто необратимы. Человек выходит сломленным. У него развивается посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия, когнитивные нарушения. Он теряет работу, социальные связи. Часто это приводит к распаду семьи — той самой семьи, которую на словах так яростно защищают Дворкин и его соратники.

Но самое страшное произошло совсем недавно, в декабре 2021 года. Пока внимание общества было приковано к внешнеполитическим событиям, в Уголовно-процессуальный кодекс РФ были внесены тихие, но убийственные поправки.

Теперь суд может помещать подозреваемых в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, на срок до шести месяцев с возможностью его *неоднократного продления*.

Вдумайтесь в это. «Неоднократное продление». Это механизм, который позволяет превращать «временную меру» в длительную изоляцию — через цепочку продлений. Для этого не нужно доказывать его вину в совершении преступления. Достаточно сомнений следователя в его вменяемости.

Это создает законодательную рамку, которую при злоупотреблениях можно использовать как инструмент принудительной изоляции под видом «лечения» или «экспертизы». Это и есть легализация карательной психиатрии на законодательном уровне. Инструмент создан. И рукоятка этого инструмента находится в руках тех, кто пишет экспертные заключения. То есть — в руках людей, идеологически накачанных книгами Дворкина.

Я смотрю на фотографии с конференций, где российские «сектоведы» сидят рядом с психиатрами в погонах. Они улыбаются. Они чувствуют себя победителями. Они смогли сделать то, что не удалось даже КГБ — приватизировать право на определение нормы.

В их мире норма — это покорность. Любое отклонение, любой духовный поиск, любой выход за флажки «традиционных ценностей» — это патология. А патологию нужно лечить. Если пациент не хочет лечиться — его заставят.

Александр Солженицын когда-то написал пророческие слова, что заключение свободно мыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома — это духовное убийство, это разновидность газовой камеры, только ещё более жестокая.

Дворкин и его сеть построили эти газовые камеры заново. Они не убивают тело сразу. Они убивают личность. Они стирают «Я», заменяя его медицинской картой с диагнозом, который невозможно оспорить, потому что судья верит не тебе, а «эксперту».

Сколько таких людей сейчас находится за желтыми стенами больниц по всей России? Мы не знаем точной цифры. Статистика закрыта. Врачебная тайна надежно охраняет преступления системы.

Но мы знаем механизм. Мы знаем имена архитекторов. И мы видим, как тень института Сербского снова накрывает страну, становясь все длиннее и гуще.

Психиатрия, призванная облегчать страдания, бьет не только по «сектантам». Она висит над головой каждого. Ведь сегодня «бредом реформаторства» или «социальной дезадаптацией» можно назвать любую гражданскую активность.

Когда я закрываю папку с материалами о карательной психиатрии, меня не покидает ощущение страха. Не за себя. За страну, которая позволила убедить себя, что свобода совести — это болезнь.

Но если вы думаете, что эта зараза ограничена границами России или Сербии, вы глубоко заблуждаетесь. Дворкин не просто использовал советский опыт. Он активно искал легитимизации на Западе. Ему нужно было, чтобы его методы признали в Европе, чтобы его «сектоведение» получило респектабельный фасад.

И он нашел союзников. Не в маргинальных подвалах, а в высоких кабинетах Брюсселя и Парижа. Организация, которая должна была защищать светские ценности Европы, стала троянским конем для российской инквизиции.

Но это уже другая история. История о том, как вирус нетерпимости пересек границы и начал мутировать в самом сердце демократического мира.

Глава 6: Европейский плацдарм (FECRIS)

Если вы хотите спрятать что-то грязное, лучшее место для этого — не темный подвал, а ярко освещенный зал заседаний международной организации. Если вы хотите легитимизировать ненависть, не нужно кричать о ней на углу. Нужно надеть дорогой костюм, взять портфель из крокодиловой кожи и получить статус участника при Совете Европы.

В предыдущих главах мы исследовали, как Александр Дворкин выстроил свою империю внутри России, опираясь на административный ресурс и карательную психиатрию. Но любой локальный тиран знает: чтобы тебя воспринимали всерьез, нужен международный статус. Нужен «ярлык на княжение», выданный цивилизованным миром.

Мое расследование перемещается из пыльных московских архивов в стерильные коридоры Брюсселя, Страсбурга и Парижа. Здесь, в сердце европейской демократии, функционирует механизм, который я называю «прачечной для репутаций». Имя этому механизму — FECRIS.

Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве (Fédération Européenne des Centres de Recherche et d'Information sur le Sectarisme). Звучит солидно, академично, респектабельно. На бумаге это зонтичная организация, объединяющая ассоциации, заявляющие о защите «жертв культовых злоупотреблений»; по собственным материалам FECRIS речь идет о более чем десятке стран (в т.ч. за пределами Европы). На деле — это троянский конь, с помощью которого радикальные методы подавления инакомыслия импортируются в правовое поле Евросоюза и, что важнее для

нашего героя, экспортируются обратно в Россию уже как «европейский стандарт».

С 2009 по 2021 год Александр Дворкин занимал пост вице-президента этой организации. Этот титул стал его броней. Когда в России ему задавали неудобные вопросы об отсутствии профильного образования, он всегда мог выложить на стол козырь: «Я вице-президент европейской федерации, при Совете Европы».

Но что скрывается за этой вывеской?

Чтобы понять природу FECRIS, нужно понять Францию. Эта страна, подарившая миру Просвещение, имеет свою специфическую травму — воинствующий лаицизм (светскость). В отличие от американской модели, где государство слепо к религии, французская модель предполагает жесткую (и часто конфликтную) регуляцию публичной сферы и религиозной видимости. Именно здесь, на почве страха перед «чуждым влиянием», в 1994 году и была создана FECRIS.

Я держу в руках финансовые отчеты, которые обычно не предназначены для глаз посторонних. Они разрушают миф о том, что антикультовое движение — это инициатива обеспокоенных граждан.

Цифры говорят сами за себя. Основными донорами и учредителями FECRIS являются две французские организации: UNADFI (Национальный союз ассоциаций защиты семьи и личности) и CCMM (Центр против ментальных манипуляций).

Взглянем на структуру их доходов. С 2001 года доля финансирования FECRIS со стороны французского правительства в ряде исследований и обзоров описывается как «свыше 90%». У UNADFI также значительная доля средств поступает из государственных субсидий; в публичных разборках фигурируют оценки «более 75%» и выше.

Это не общественные организации. Это государственные прокси. Частные пожертвования, членские взносы — все это составляет считанные проценты по сравнению с государственным финансированием. Это означает, что у этих «борцов с сектами» нет реальной общественной поддержки. Если бы государство перекрыло кран, они исчезли бы на следующий день. Для

сравнения: крупные гуманитарные НПО часто опираются в основном на частные пожертвования и гранты множества доноров, а не на субсидию одного государства.

Здесь мы видим фундаментальный подлог. Французское правительство использует деньги налогоплательщиков для финансирования идеологической войны, а затем экспортирует эту войну через FECRIS в другие страны, включая Россию.

Ключевым звеном в этой схеме является MIVILUDES — Межведомственная миссия по борьбе с сектантскими отклонениями. Это правительственное агентство Франции, созданное указом в 2002 году как межведомственная структура; при этом с 2020 года оно включено в систему МВД (через CIPDR) и действует под этой «зонтичной» административной конструкцией. Именно MIVILUDES распределяет гранты, а также выпускает сигнальные материалы, которые являются источником «стигматизирующих перечней» групп, и именно оно стало «старшим братом» для Дворкина и его РАЦИРС.

История MIVILUDES и ее предшественницы MILS неразрывно связана с именем Алена Вивьена. Этот человек — французское зеркало Дворкина. Бывший парламентарий, возглавивший крестовый поход против «сект», он закончил свою карьеру грандиозным коррупционным скандалом.

В 1990-е годы Вивьен, будучи президентом MILS, распоряжался огромными бюджетами. Как выяснилось позже, половину этих средств он потратил на зарубежные турне, а значительную часть остальных — на покупку элитной недвижимости для офисов UNADFI и CCMM. Вместо помощи жертвам деньги уходили на комфорт инквизиторов. В 2002 году под давлением фактов о растратах Вивьен был вынужден с позором уйти в отставку, а сама миссия была реформатирована.

Но система выжила. И ей нужны были союзники. Франция чувствовала себя изолированной в Европе со своей агрессивной политикой. Госдепартамент США и международные правозащитники регулярно критиковали Париж за нарушение религиозных свобод. Им нужно было создать видимость «международного консенсуса».

И тут на сцене появляется Александр Дворкин.

В 2009 году, когда Дворкин стал вице-президентом FECRIS, этот альянс оформился окончательно. Российский «сектовед» получил доступ к трибунам ОБСЕ и ООН. Представители РАЦИРС, используя статус FECRIS, выступают на конференциях по человеческому измерению и... требуют ограничения прав человека.

Они используют демократические процедуры, чтобы уничтожать демократию. Под видом «защиты прав ребенка» они лоббируют ювенальные технологии изъятия детей из верующих семей. Под видом «защиты потребителя» они атакуют коммерческие компании, чьи владельцы посещают «неправильные» тренинги.

Но давайте посмотрим, кто же эти люди, которые вместе с Дворкиным решают судьбы европейцев. Если отбросить громкие названия, открывается картина, достойная сатирического романа.

FECRIS любит надувать щеки, изображая из себя мощную сеть экспертов. Но реальность куда прозаичнее. Генеральный секретарь FECRIS Мирей Деген, долгие годы представлявшая организацию в Брюсселе, — это пенсионерка, бывшая учительница. Штаб-квартира бельгийского отделения FECRIS зарегистрирована в ее частной квартире. Казначей марсельского отделения, Дидье Пашу, — водитель трамвая.

Представьте себе этот абсурд. Небольшие по численности команды активистов и функционеров, получая доступ к публичным субсидиям и статусу международной НПО, распределяют гранты французского правительства и пишут резолюции, которые потом цитирует Министерство юстиции Российской Федерации как «мнение авторитетного международного сообщества».

Это потемкинская деревня европейского масштаба. Но за этим фасадом скрываются реальные трагедии.

Члены FECRIS — это не безобидные фрики. Это люди, которые систематически нарушают закон. Список судебных решений против организаций, входящих в эту федерацию, занимает десятки страниц.

Ян Хоуворт, основатель британского отделения (CIC) и видная фигура в сети, был осужден Верховным судом Онтарио за клевету. Он должен был выплатить 10 000 долларов, но скрылся от правосудия. Испанская группа

AIS/PRO Juventud, член FECRIS, оказалась в центре скандала с похищением людей. Европейский суд по правам человека в деле «Риера Блуме против Испании» признал, что депрограмматоры, связанные с этой группой, при попустительстве полиции незаконно лишали людей свободы, чтобы «переубедить» их. Австрийский представитель Фридрих Грисс, дважды занимавший пост президента FECRIS, имеет целую коллекцию проигранных судов за диффамацию.

Это не «эксперты». Это серийные нарушители прав человека. Но благодаря зонтику FECRIS и поддержке французского правительства они остаются рукопожатными. Они продолжают заседать в комитетах, их приглашают на телевидение.

И Дворкин чувствует себя в этой компании как рыба в воде.

Связи между MIVILUDES и российскими антикультистами стали настолько тесными, что напоминают вахтовый метод. По открытым программам мероприятий FECRIS видно, что руководители/бывшие руководители MIVILUDES регулярно появлялись на площадках FECRIS рядом с Дворкиным.

Жорж Фенек, бывший судья и глава MIVILUDES, выступал на мероприятиях FECRIS, где также участвовали представители российской антикультовой сети; в Варшаве (7 мая 2011) он указан как выступающий с приветственным словом. В 2011 году он был в Варшаве, а в октябре 2012 — в Salses-le-Château он указан в программе как «previous President of MIVILUDES», при этом в той же программе фигурирует Александр Дворкин как участник круглого стола. Серж Блиско, другой президент MIVILUDES, также указан в программе Salses-le-Château (октябрь 2012) как President of MIVILUDES; Дворкин в той же программе — участник дискуссии, что документирует их совместное присутствие на одной площадке.

Они ездят по Европе, обмениваясь опытом: как лучше запретить, как эффективнее закрыть, как больнее ударить.

Особый цинизм ситуации заключается в том, что Дворкин использует этот ресурс для борьбы с конкурентами Русской Православной Церкви, при этом сама РПЦ активно интегрирована в эту сеть.

Вдумайтесь: российские «патриоты», кричащие о суверенитете, работают в тесной связке с организацией, на более чем 90% финансируемой правительством страны НАТО.

Но FECRIS — это не только Франция. Это спрут, щупальца которого тянутся во все уголки Европы. В Бельгии ключевой фигурой является Андре Фредерик, член федерального парламента. Он использует свой депутатский мандат для лоббирования законов, направленных против меньшинств (например, закон 2011 года «О злоупотреблении слабостью»). Фредерик также был замечен на конференциях вместе с российскими коллегами. В Италии, Германии, Австрии действуют ячейки этой сети. Они малочисленны, часто состоят из 2-3 человек, но благодаря координации из Парижа и Марселя создают эффект массовости.

Как это работает на практике? Допустим, в России нужно запретить организацию N. Дворкин пишет статью, где называет ее «тоталитарной сектой». Но одной статьи мало. Тогда он обращается к своим коллегам из Европы. Те выпускают пресс-релиз или доклад, где подтверждают: «Да, организация N опасна, мы в Европе тоже обеспокоены». Этот документ возвращается в Россию. И теперь это международная практика, теперь это «заключением европейских экспертов».

Именно так создавалась почва для запрета Свидетелей Иеговы, для преследования саентологов, для атак на индуистов.

Но есть и обратный процесс. Россия экспортирует в Европу свою бескомпромиссность. Если французские антикультисты вынуждены оглядываться на ЕСПЧ, то их российские коллеги учат их действовать жестче. «Смотрите, у нас получилось запретить, получится и у вас», — этот негласный посыл читается в каждом совместном коммюнике.

В 2013-2014 годах, когда мир уже начинал с тревогой смотреть на действия России, сотрудничество по линии FECRIS только усиливалось. Пока дипломаты обменивались нотами, антикультисты обменивались списками врагов.

Я смотрю на фотографию, сделанную в Брюсселе. За столом сидят Александр Дворкин, его адвокат Александр Корелов и генеральный секретарь MIVILUDES. Они выглядят как партнеры по бизнесу.

Они обсуждают не теологию. Они обсуждают технологии. Как использовать ювенальную юстицию? Как надавить на банки, чтобы те закрыли счета неудобным организациям? Как провести медиакампанию по дискредитации?

Но самое опасное в FECRIS — это их способность мимикрировать. Они называют себя правозащитниками. В 2005 году они получили статус международной НПО при Совете Европы. Это дало им право участвовать в разработке рекомендаций для правительств. Представьте: организация, члены которой, осуждены за клевету и похищения, финансируемая правительством одной из европейских стран и продвигающая антикультовую идеологию, сидит в Страсбурге и учит Европу правам человека.

Это системный сбой европейской демократии. И Дворкин виртуозно воспользовался этой уязвимостью.

В 2018 году в Риге прошла конференция, которая наглядно показала масштаб проникновения. В зале сидели депутаты Европарламента, представители латвийских властей и... десант из РАЦИРС. Бранка Дуймич-Делькур, хорватский антикультист и вице-президент FECRIS, выступала с трибуны, клеймя «секты». Рядом с ней были американские депрограмматоры.

Но за всем этим блеском конференц-залов скрывается гнилая изнанка. Я нашел документы, подтверждающие, что многие «эксперты» FECRIS не имеют никакой квалификации. Психологи без лицензий, юристы, лишённые практики, самопровозглашенные социологи. Их объединяет еще и личная обида на ту или иную религиозную группу или желание заработать на «консультировании» испуганных родственников.

Дворкин стал для них идеальным партнером. Он принес с собой энергию, деньги (через ресурсы РПЦ и государственные субсидии) и, главное, государственную поддержку огромной страны. С его приходом FECRIS перестала быть просто клубом по интересам для французских отставников. Она стала геополитическим инструментом.

В этой главе мы увидели фасад. Мы увидели, как активисты и функционеры, нередко критикуемые за сомнительную экспертизу и судебные конфликты, создали сеть, опутавшую континент. Мы увидели, как российская инквизиция надела европейскую маску.

Но у любого дерева есть корни. И если ветви этого ядовитого растения тянутся в Брюссель и Париж, то корни уходят в куда более мрачное прошлое.

Чтобы понять, откуда на самом деле взялась идеология, которую проповедуют Дворкин и его друзья из FECRIS, нам придется совершить путешествие во времени. Нам нужно вернуться в Германию 1930-х годов. Потому что чертежи, по которым строится современная антикультовая сеть, были нарисованы не в Париже 90-х и не в Москве 2000-х.

Они были нарисованы в кабинетах Третьего Рейха.

Передо мной лежит копии документов на немецком языке. В них используются те же термины, та же логика и те же аргументы, что и в риторике вице-президента FECRIS Александра Дворкина. Совпадение? В мире спецслужб и идеологических войн совпадений не бывает.

Глава 7: Призраки прошлого

В архивах Нюрнбергского процесса, среди тысяч страниц, зафиксировавших падение человечности в бездну, есть один документ, который редко цитируют в учебниках истории. Он носит сухой канцелярский индекс D-59. Это директива, подписанная Рейнхардом Гейдрихом, главой службы безопасности Рейха (СД).

Когда я впервые взял в руки копию этого приказа, меня охватило странное чувство дежавю. Текст, напечатанный на пожелтевшей бумаге готическим шрифтом, казался пугающе современным. Если закрыть дату и заменить немецкие термины на русские, перед вами окажется типичное постановление современного российского суда или методичка Центра по противодействию экстремизму.

«Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы... имущество конфисковано... Лица, посвященные в тайные учения... подлежат аресту».

Мы привыкли думать, что нацизм — это марширующие колонны штурмовиков, свастики и лагеря смерти. Но это лишь финал. Нацизм начинался не с убийств. Он начинался с определений. С того момента, когда группа интеллектуалов в кабинетах решила научно обосновать, почему одни люди являются «органической частью нации», а другие — «вирусом», подлежащим изоляции.

Мое расследование деятельности Александра Дворкина и его сети РАЦИРС уперлось в тупик, пока я искал ответы в современности. Я пытался понять, откуда взялась эта звериная ненависть к инакомыслию, эта одержимость «чистотой рядов». И только когда я перестал смотреть на США (откуда Дворкин приехал физически) и посмотрел на Германию 1930-х годов (откуда он пришел идеологически), пазл сложился.

Александр Дворкин не изобрел ничего нового. Он просто стряхнул пыль с чертежей, разработанных человеком, чье имя сегодня почти забыто, но чье наследие живет в каждом антикультовом рейде.

Этого человека звали Вальтер Кюннет.

Представьте себе Германию начала 1920-х. Пивные путчи, инфляция, растерянность. В этой атмосфере Протестантская церковь создает организацию с безобидным названием — Апологетический центр (Apologetische Centrale). Официальная цель: защита веры, дискуссии, просвещение. Но к 1932 году, когда Центр возглавил молодой и амбициозный теолог Вальтер Кюннет, вектор изменился.

Кюннет был блестящим оратором и убежденным антисемитом. Но его ненависть была шире, чем просто антисемитизм. Он был одержим идеей «народного организма» (Volksgemeinschaft). В его картине мира немецкая нация была единым телом, скрепленным кровью и почвой. А любые меньшинства — будь то евреи, пацифисты, масоны или члены малых религиозных групп — воспринимались как инфекция.

Именно Кюннет разработал методологию, которую сегодня слово в слово повторяют российские «сектоведы».

Первый шаг: Сбор информации. Апологетический центр начал составлять картотеки. Они фиксировали не преступления, а убеждения. Кто во что верит?

Кто с кем встречается? Какие книги читают? К 1936 году в их архивах значилось около 500 групп, помеченных как «опасные».

Второй шаг: Дегуманизация через терминологию. Кюннет и его коллеги ввели в широкий оборот понятие «Zersetzung» — разложение. Секты обвинялись не в теологических ошибках, а в том, что они «разлагают немецкий дух», разрушают традиционные ценности и семью.

Звучит знакомо?

Я кладу рядом две цитаты. Одна из 1933 года: «Эти группы представляют собой инородное тело в организме Германии... они угрожают нашему единству». Вторая из выступления Дворкина: «Тоталитарные секты — это раковые клетки на теле нации... они разрушают нашу культурную идентичность».

Это один и тот же язык. Язык биологической угрозы. Оппонент перестает быть человеком, с которым можно спорить. Он становится бактерией, которую нужно вытравить.

Но самое страшное в истории Вальтера Кюннета — это его сотрудничество с государством. Он не был нацистским чиновником. Он был церковным деятелем. Но он добровольно, с энтузиазмом предложил свои услуги новой власти.

В архивах сохранилась его докладная записка руководству церкви от 16 декабря 1933 года. В ней сквозит гордость отличника, которого похвалил строгий учитель: «Гестапо проявило большой интерес к архиву Апологетического центра о сектах... Гестапо выразило желание в будущем возглавить борьбу с незаконным вольнодумством совместно с Апологетическим центром. Обмен материалами... уже начался».

Вдумайтесь в этот союз. Церковь и Тайная государственная полиция. Теологи и палачи. Из исследований об истории «Apologetische Centrale» следует, что сотрудники структуры передавали материалы государственным ведомствам и полиции; при закрытии центра в 1937 году весь его архив оказался в руках гестапо.

Когда Александр Дворкин создал свою ассоциацию, он фактически воспроизвел структуру Апологетического центра. Та же схема: общественная

организация собирает компромат, пишет псевдонаучные справки, демонизирует жертву в прессе, а затем передает материалы силовикам. В Германии 30-х это было Гестапо. В России 2020-х — Центр «Э» и ФСБ.

Исполнители меняются, алгоритм остается.

Особенно ярко эта преемственность видна на примере Свидетелей Иеговы. В нацистской Германии эта группа (тогда их называли Bibelforscher — Исследователи Библии) стала одной из первых мишеней. Почему? Они не были политической оппозицией. Они не брали в руки оружие. Наоборот, они были подчеркнуто мирными.

Но именно их пацифизм и отказ признавать фюрера высшим авторитетом сделали их врагами. Кюннет и нацистские идеологи обвиняли их в том, что они «разрушают верность государству», что они управляются из США (штаб-квартира в Бруклине), что они — агенты мирового сионизма.

Сравните это с риторикой, которая звучала в Верховном суде РФ в 2017 году, когда Свидетелей Иеговы признавали экстремистской организацией. Аргументы были идентичны до запятой. «Управляются из США», «ставят свои законы выше государственных», «разрушают семьи».

Российские прокуроры, сами того не ведая (или ведая?), цитировали тезисы нацистских теологов 80-летней давности.

Историческая ирония заключается в том, что Россия, страна, победившая фашизм ценой миллионов жизней, сегодня взяла на вооружение методы своих бывших врагов.

Но вернемся к Кюннету. Его судьба — это, пожалуй, самый циничный урок всей этой истории. После разгрома Рейха многие нацистские преступники понесли наказание. Но некоторые идеологи остались в тени. Вальтер Кюннет не сел на скамью подсудимых в Нюрнберге. Он прошел денацификацию. Более того, в 1946 году он стал почетным профессором богословия в Эрлангене. Он преподавал, писал книги, считался уважаемым академиком.

Он умер в своей постели в глубокой старости, окруженный почетом. Человек, который научил Гестапо охотиться на инакомыслящих и предоставлял свои «черные списки», не понес никакой ответственности.

Именно эта безнаказанность позволила вирусу выжить. Кюннет передал эстафету. Его идеи подхватил Фридрих-Вильгельм Хаак — еще один немецкий лютеранский пастор, ставший «отцом» современного европейского антикультизма. Хаак был связующим звеном. Он лично знал Кюннета, учился у него, а затем, уже в 70-е годы, стал наставником для нового поколения борцов с сектами.

В том числе — для Александра Дворкина.

Кюннет — Хаак — Огорд — Дворкин. Это прямая линия наследования. Дворкин неоднократно называл Огорда своим учителем и другом. Он переводил их материалы, использовал их методы.

Получается, что главный «сектовед» России — это духовный внук нацистского пособника.

Когда вы читаете в российских СМИ о «зомбировании», о «психологическом насилии», о том, что сектанты — это «нелюди», вы слышите эхо времен становления нацистской Германии. Это технология расчеловечивания.

В нацистской Германии, прежде чем отправить евреев в газовые камеры, их нужно было лишить человеческого облика в глазах соседей. Им нужно было приклеить желтую звезду. Но сначала эта звезда должна была появиться в газетах и проповедях.

Антикультизм — это фабрика по производству таких «желтых звезд».

Я изучаю книгу Кюннета «Нация пред Богом» (Die Nation vor Gott), изданную в 1933 году. Это манифест тоталитаризма. Автор утверждает, что Бог говорит через нацию и государство, а тот, кто идет против воли нации, идет против Бога. Это теологическое обоснование диктатуры.

Теперь откроем труды Дворкина. Та же логика, только вместо «расы» — «традиция». «Традиционные религии» объявляются государствообразующими, священными. Все остальные — «нетрадиционными», чуждыми, опасными. Подмена понятий виртуозна: защита веры подменяется защитой государственной монополии на идеологию.

В этой системе координат человек не имеет права на личный духовный поиск. Его вера — это не его личное дело, а вопрос национальной безопасности. Если ты молишься не так, как большинство, ты — предатель.

Российская правовая система проглотила эту наживку целиком. Суды, принимая решения о запрете книг или ликвидации общин, опираются на «сектоведческие экспертизы». Но эти экспертизы не имеют ничего общего с наукой. Это идеологические вердикты, написанные по лекалам Апологетического центра в Германии начала прошлого века.

В одном из дел, которое я анализировал, эксперт (ученик Дворкина) обосновывал экстремизм группы тем, что они «противопоставляют себя обществу». Но любая религиозная группа в той или иной степени противопоставляет себя светскому обществу! Первые христиане противопоставляли себя Риму. Если следовать этой логике, Иисус Христос был лидером деструктивного культа, а апостолы — экстремистской ячейкой.

Кстати, нацисты это прекрасно понимали. Гитлер ненавидел христианство за его «еврейские корни» и интернационализм, мечтая заменить его «позитивным христианством» — версией веры, очищенной от милосердия и служащей Рейху. Кюннет помогал ему в этом, создавая образ «мужественного арийского Христа».

Дворкин делает подобное. Он продвигает образ «патриотического православия», которое служит не столько Евангелию, сколько геополитическим интересам Кремля. В этой версии религии нет места любви к врагам. Есть только священная война.

Мы видим, как история повторяется в виде фарса, который быстро превращается в трагедию. В 1930-е годы немецкие обыватели читали в газетах о страшных сектах, которые похищают детей и служат дьяволу. Они верили. И когда их соседей уводили в ночь люди в кожаных плащах, обыватели думали: «Ну, наверное, так надо. Власти виднее. Они же защищают нас».

Сегодня российские обыватели смотрят телеканалы, где показывают «расследования» о сектантах-убийцах. И когда ОМОН врывается в дома мирных граждан, выпиливая двери болгарками, общество молчит. Механизм страха, смазанный ложью Кюннета-Дворкина, работает безотказно.

Но есть один нюанс, который делает ситуацию еще более злобещей. Нацисты скрывали свои преступления. Они уничтожали документы, сжигали архивы. Современные антикультисты действуют открыто. Они гордятся своими «победами». Они публикуют отчеты о ликвидированных организациях как сводки с фронта.

В 2009 году, на той самой конференции в Санкт-Петербурге, которая стала триумфом Дворкина, в зале незримо присутствовал дух Вальтера Кюннета. Методы, которые были осуждены Нюрнбергским трибуналом как преступные, были реабилитированы и представлены как «защита прав человека».

Я смотрю на фотографию Дворкина. Интеллигентное лицо, борода, очки. Он совсем не похож на монстра. Вальтер Кюннет тоже не был похож на монстра. Он был похож на доброго пастора. Но именно такие люди — «кабинетные убийцы» — самые опасные. Они не пачкают свои руки кровью. Они создают атмосферу, в которой насилие становится приемлемым, оправданным, даже благородным делом.

В Германии 30-х годов этот путь занял меньше десятилетия. От первых статей в церковных журналах до газовых камер. Идеологи современного антикультизма толкают Россию по этому пути уже тридцать лет. И мы уже прошли первую стадию геноцида - стадию дегуманизации. Мы уже на стадии репрессий.

Вопрос лишь в том, что будет дальше.

История учит нас, что машина террора, однажды запущенная, не останавливается сама. Она требует все новых и новых жертв. Сначала это «сектанты». Потом — политические оппозиционеры. Потом — «неправильные» деятели культуры. А потом — любой, кто косо посмотрел на портрет вождя.

Я закрываю папку с копиями немецких документов. За окном московская осень, серая и промозглая. Но мне кажется, что я чувствую запах гари. Тот самый запах, который стоял над Европой в середине прошлого века. Мы думали, что он выветрился навсегда. Мы ошибались.

Призраки прошлого не исчезли. Они просто сменили униформу, переехали в новые кабинеты и продолжают свою работу. Работу по разделению людей на «чистых» и «нечистых».

Но если немецкий след ведет нас в глубины истории, то есть и другая нить, тянущаяся через океан. Ведь Александр Дворкин — гражданин США. И методы, которые он использует, имеют не только нацистские, но и американские корни. Парадокс? Нет. В мире профессиональной манипуляции противоположности часто сходятся.

В следующей части нашего расследования мы отправимся на родину демократии, чтобы увидеть, как инструменты, созданные для защиты свободы, были перекованы в кандалы. Мы поговорим о депрограмматорах — людях, которые превратили похищение человека в бизнес-модель, и о том, как эти практики стали частью российского «духовного суверенитета».

Глава 8: Американский след

Если вы хотите понять истинную природу современной российской антикультовой машины, забудьте на минуту о византийской риторике и православных хоругвях. Забудьте о ссылках на святых отцов и «духовную безопасность». Вместо этого посмотрите на банковские счета и методы работы частных детективов из американских пригородов 1970-х годов.

Самая злая ирония моего расследования заключается в том, что Александр Дворкин, построивший карьеру на разоблачении «тлетворного влияния Запада», на самом деле является самым успешным импортером американских технологий в Россию. Только импортировал он не айфоны и не голливудские фильмы. Он привез технологию насилия, упакованную в обертку «спасения семьи».

Мы привыкли искать корни зла в тоталитарном прошлом СССР или нацистской Германии, и, как мы видели в предыдущих главах, эти корни действительно глубоки. Но крона этого ядовитого дерева раскинулась под небом Аризоны и Нью-Джерси.

Чтобы понять, как работает РАЦИРС сегодня, нужно вернуться в Америку времен молодости Дворкина. В эпоху, когда он, будучи эмигрантом, впитывал дух свободы, другая группа людей превращала эту свободу в товар.

Речь идет о феномене «депрограммирования» и организации CAN (Cult Awareness Network — Сеть осведомленности о культах).

В 1970-е годы США захлестнула волна новых религиозных движений. Молодежь, разочарованная войной во Вьетнаме и консюмеризмом родителей, уходила в коммуны, ашрамы и новые церкви. Родители были в панике. И там, где есть спрос, всегда рождается предложение. Появилась новая каста специалистов — «депрограмматоры».

Это были наемники. Люди, готовые за деньги вернуть «блудного сына» в лоно семьи, не гнушаясь никакими методами.

Официальная легенда гласит, что Дворкин вернулся в Россию, чтобы спасти ее. Но факты говорят о другом: он вернулся 31 декабря 1991 года — на фоне того, что в США вокруг депрограммирования и анти-культовых структур нарастали судебные конфликты и репутационные скандалы, а CAN всё чаще связывали с реферальной поддержкой насильственных «интервенций». Что же представляла собой эта организация, методы которой Дворкин пересадил на российскую почву?

Согласно документам, вскрывшимся в ходе многочисленных судебных процессов, CAN была не правозащитной группой, а криминальным синдикатом. Под вывеской «консультирования» скрывалась сеть, занимавшаяся похищением людей. Схема была примитивной и жестокой: напуганные родители обращались в CAN, им рассказывали ужасы о том, что их ребенок превращен в «зомби», и предлагали решение. Цена вопроса — от десятков тысяч долларов.

За эти деньги группа крепких парней хватала жертву на улице, заталкивала в фургон и увозила в «безопасное место» — обычно арендованный дом с заколоченными окнами или гостиничный номер. Там начинался процесс «ломки».

Я изучил биографии ключевых фигур этого движения, с которым Дворкин был тесно связан. Это не ученые. Это люди с биографиями, достойными криминальной хроники.

Возьмем, к примеру, Рика Алана Росса. В антикультовых кругах России его цитируют как «ведущего мирового эксперта». Дворкин и его соратники с придыханием ссылаются на его мнение. Но если вы откроете полицейские архивы штата Аризона, вы найдете другое досье на мистера Росса.

До того как стать «спасителем душ», Рик Росс пробовал себя в другой профессии — он грабил ювелирные магазины. В его биографии есть судимость за кражу со взломом. Видимо, навыки проникновения в чужие помещения и присвоения чужого имущества оказались конвертируемыми. Переквалифицировавшись в депрограмматора, он просто сменил объект кражи: вместо бриллиантов он начал красть людей.

Второй столп американского антикультизма, чьи книги Дворкин лично рекламирует на своем сайте и рекомендует как обязательное чтение, — Стивен Хассен.

Хассен позиционирует себя как психолог и бывший член «секты», который прозрел и теперь помогает другим. Но за фасадом благотворительности скрывается жесткий, циничный бизнес.

Я нашел свидетельства, которые рисуют портрет не терапевта, а финансового хищника. Хассен превратил человеческое горе в золотую жилу. Его гонорары составляют по сообщениям критиков и по «антикультовой» полемике вокруг него — тысячи долларов в сутки (часто называют диапазон порядка \$2,500–\$5,000 в день), плюс сопутствующие расходы «командных интервенций». Вдумайтесь: пять тысяч долларов за день.

Он внедрил систему «командных интервенций». Это значит, что клиент платит не только Хассену, но и его свите — «помощникам», охранникам, водителям. Счета за «спасение» одного человека могут достигать 50 000 долларов.

В архивах сохранились жалобы семей, которые, поверив Хассену, закладывали дома, опустошали пенсионные счета и влезали в пожизненные долги. И часто результат был нулевым. Или, что еще хуже, отрицательным.

Один из бывших клиентов Хассена описал свой опыт так: «Я чувствовал себя травмированным как во время, так и после терапии... Консультации были хуже, чем сам счет». Другие специалисты, которым приходилось работать с жертвами такой «помощи», называли методику Хассена «непрофессиональной и потенциально опасной».

Но самое страшное — это не деньги. Это насилие.

В ноябре 1976 года Стивен Хассен участвовал в «интервенции» в штате Мичиган. Жертвой был член Церкви объединения (в документах он проходит под инициалами А.Р.). То, что с ним делали, невозможно назвать душепопечением. Это была пытка.

А.Р. по версии критиков — насильственно удерживали против воли. Его связали по рукам и ногам и бросили на пол. Ему не давали спать три дня — 72 часа непрерывного психологического прессинга. Хассен и его подельники сменяли друг друга, не давая жертве сомкнуть глаз, оскорбляя, унижая, требуя отречься от веры.

Когда психологическое давление не сработало, в ход пошли прямые угрозы. Хассен угрожал ввести жертве серию инъекций неизвестных препаратов, если тот не подпишет нужные бумаги.

Позже, когда А.Р. удалось сбежать и подать иск на миллионы долларов, Хассен попытался подкупить свидетеля, умоляя его солгать под присягой. Это штрих к портрету «морального авторитета», на которого молится российское сектоведение.

И вот здесь возникает главный парадокс. Александр Дворкин, позиционирующий себя как патриот, государственник и борец с западной экспансией, построил свою империю на франшизе именно этих людей.

Зайдите на сайт Центра св. Ирины Лионского. Помимо того, что в его «Сектоведении» Хассен прямо фигурирует в рекомендательной библиографии, на сайте Центра цитируются материалы, связанные с Хассеном. Дворкин не просто перевел их. Он сделал их катехизисом для российских силовиков и чиновников.

Концепция «промывания мозгов» (brainwashing), которую Дворкин использует для обоснования репрессий, — это американский продукт холодной войны, доведенный до абсурда именно в среде CAN. Идея о том, что человек не может сам выбрать «неправильную» веру, что он обязательно «зазомбирован», нужна была депрограмматорам для юридического оправдания похищений. Если человек — зомби, то у него нет воли, а значит, насилие над ним — это не преступление, а «лечение».

Дворкин взял эту коммерческую уловку и превратил ее в государственную идеологию России.

Но он пошел дальше. Он не просто перевел книги. Он интегрировал американских «коллег» в российскую систему.

Рик Росс и Стивен Хассен — фигуры, чьи тексты и подходы циркулируют в российском «антисектантском» поле.

Это глобальный картель. Российские антикультисты обеспечивают американцам легитимность (смотрите, нас признают на государственном уровне в РФ!), а американцы дают россиянам свою методологию.

Особый цинизм ситуации заключается в том, что в самих США организация CAN была разгромлена законом. В 1996 году, после серии проигранных исков (в том числе дела Джейсона Скотта, которого похитили и пытали), CAN обанкротилась. Ее активы были распроданы, а само название выкуплено... саентологами (ирония судьбы, достойная отдельного романа).

Но люди остались. Росс, Хассен и другие «ветераны» перегруппировались, сменили вывески и продолжили бизнес.

В России, в условиях правового нигилизма и государственной поддержки ксенофобии, методы, которые в США приводили к тюрьме и банкротству, стали поощряться.

Как это выглядит на практике в современной России?

Мы не видим фургонов, хватающих людей на улицах Москвы (хотя и такое случается в регионах, особенно на Кавказе). Но мы видим институционализированное депрограммирование.

Так называемые «православные реабилитационные центры», аффилированные с РАЦИРС, работают по тем же лекалам, что и подпольные тюрьмы CAN. Родственники, накрученные пропагандой Дворкина, платят деньги (или делают «пожертвования») за то, чтобы их близких «вылечили» от сектантства.

Человека помещают в изоляцию. У него отбирают телефон, документы, ограничивают связь с внешним миром. С ним работают «психологи» и священники, использующие методы давления. Любое сопротивление, любая попытка отстоять свои права трактуется как симптом болезни, как доказательство того, что «секта еще держит».

Это коммерциализация насилия под крышей церкви и государства.

Международные правозащитники (Human Rights Without Frontiers) еще в 2012 году указывали на то, что в России существует скрытая индустрия принудительного депрограммирования. Но эти отчеты тонут в шуме государственной пропаганды.

Дворкин создал идеальную экосистему. Сначала он через СМИ создает панику, объявляя очередную группу «тоталитарной сектой». Затем он предлагает решение — обратиться к «специалистам». И эти специалисты, обученные по методичкам Хассена и Росса, начинают «спасать», выкачивая из семей ресурсы и ломая психику жертв.

В этой схеме нет ничего духовного. Это бизнес-модель.

«На секты нужно собирать компромат и его распространять! — учит один из соратников Дворкина. — Мы живем в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать».

Эта фраза — квинтэссенция метода. Придумать компромат. Создать врага. Продать спасение.

Когда Дворкин клеймит «западные ценности», он лукавит. Он борется не с Западом. Он борется с конкурентами, используя самые грязные, самые маргинальные западные технологии, от которых сам цивилизованный мир пытается отмыться уже тридцать лет.

Он превратил Россию в заповедник для методов, которым место на свалке истории.

В 2013 году Рик Росс, видимо, в порыве конкурентной борьбы, опубликовал разоблачение своего коллеги Стивена Хассена. Он написал: «Стив Хассен на протяжении многих лет заимствует идеи других людей... и берет огромные деньги за свои услуги... Некоторые семьи закладывали дома...».

Это банка с пауками. Они грызут друг друга за долю рынка, но объединяются, когда нужно атаковать общую жертву.

Я смотрю на видеозапись одного из выступлений Дворкина. Он говорит о «духовном суверенитете». Но за его спиной, метафорически, стоят тени человека с криминальными эпизодами в прошлом Рика Росса и депрограмматора Стивена Хассена. Их дело живет и процветает на одной шестой части суши.

Если в США их деятельность ограничивают суды и ФБР, то в России им дали карт-бланш. Здесь депрограммирование стало частью государственной политики.

Но есть еще один аспект, который делает эту историю по-настоящему пугающей. Американские депрограмматоры работали с частными лицами. Дворкин работает с государственными и церковными структурами.

Он убедил их, что все общество нуждается в депрограммировании. Что народ «зазомбирован» чуждыми идеями и его нужно насильно вернуть к «традиционным ценностям», даже если для этого придется связать его по рукам и ногам и лишить сна.

Методика Хассена масштабирована до размеров страны.

В следующей папке, которую я достаю из своего архива, лежат документы, которые показывают, что амбиции этой сети не ограничиваются Россией и США. Вирус мутирует. И теперь он нашел нового, неожиданного носителя на Востоке.

Там, где коммунистическая партия ищет способы контроля над миллиардом человек, наработки Дворкина и его американских друзей прились как нельзя кстати. На столе передо мной лежит буклет на китайском

языке с фотографией нашего героя. И иероглифы рядом с его именем складываются в слово, которое на любом языке звучит как приговор.

Глава 9: Восточный фронт

Пекин встречает гостей удушливым смогом и красными знаменами. Для большинства западных туристов это экзотика, для бизнесменов — рынок, но для моего героя это место паломничества. Странно видеть православного активиста, выступающего «за традиционные христианские ценности», в столице государства, где правящая партия придерживается официально атеистической идеологии, а религиозная жизнь находится под жёстким административным контролем. В отдельных регионах Китая в последние годы фиксировались кампании давления на христианские общины — вплоть до демонтажа крестов с храмов и закрытия церквей.

Но Александр Дворкин чувствует себя здесь как дома.

Мое расследование приводит меня к одному событию. Апрель 2001 года, Нижний Новгород, Международная конференция с громким названием «Тоталитарные секты — угроза XXI века». Одним из ключевых организаторов выступает Александр Дворкин. В зале — представители духовенства, церковные и административные представители. Одним из заметных зарубежных участников, чье присутствие придает собранию особый статус, становится профессор Чжан Байчунь из Пекина.

Это был не просто академический обмен мнениями, а мероприятие с выраженной идеологической направленностью. Чжан Байчунь прибыл в контексте уже продолжающейся в Китае кампании против движения Фалуньгун (Фалунь Дафа), начатой в 1999 году. К тому моменту, по данным международных правозащитных организаций, фиксировались массовые задержания, помещение практикующих в исправительные учреждения и сообщения о пытках и жестоком обращении. Human Rights Watch, Amnesty International и

другие структуры публиковали критические доклады о нарушениях прав человека, что вызывало серьёзный международный резонанс.

Это был не просто академический обмен мнениями, а мероприятие с выраженной идеологической направленностью. Чжан Байчунь прибыл в контексте уже продолжающейся в Китае кампании против движения Фалуньгун (Фалунь Дафа), начатой в 1999 году. К тому моменту, по данным международных правозащитных организаций, фиксировались массовые задержания, помещение практикующих в исправительные учреждения и сообщения о пытках и жестоком обращении. Human Rights Watch, Amnesty International и другие структуры публиковали критические доклады о нарушениях прав человека, что вызывало серьёзный международный резонанс.

В этой ситуации участие китайского представителя в антисектантской конференции в России можно рассматривать как попытку представить кампанию Пекина не как репрессивную, а как профилактическую — направленную на борьбу с «деструктивным культом».

В своём докладе китайский участник действительно использовал терминологию, близкую к риторике Александра Дворкина, называя Фалуньгун «коммерческой сектой» и «угрозой обществу». Это создаёт эффект смыслового совпадения: представитель государства с официальной атеистической идеологией и российский православный антикультовый публицист оперируют схожим понятийным аппаратом для описания одного и того же движения.

Итоговый документ конференции, принятый по её завершении, включал Фалуньгун в перечень «наиболее известных и опасных деструктивных культов». Документ был подписан представителями ряда епархий Русской Православной Церкви (в источниках упоминается 22 епархии).

Этот эпизод выглядит парадоксально: церковная структура, исторически пережившая репрессии со стороны коммунистического государства, фактически поддержала формулировки, совпадавшие с официальной линией китайских властей в отношении Фалуньгун. Оценка этого шага может различаться, однако сам факт совпадения риторики обращает на себя внимание.

Возникает вопрос: какую роль подобные международные контакты играли в формировании антисектантской повестки и чьи интересы в конечном счёте они усиливали?

Китай для него — пример государства, где антисектантская политика реализуется максимально жёстко и централизованно. Там, где в европейских странах подобные меры ограничены судебными процедурами и правовыми гарантиями, в КНР решения принимаются в рамках партийно-государственной системы. По оценке ряда наблюдателей, эта модель воспринималась им не как повод для критики, а как интересный опыт государственного регулирования религиозной сферы.

Я изучаю стенограммы его выступлений в КНР. Он посещал Китай в 2008, 2016 и 2017 годах, участвовал в конференциях и экспертных мероприятиях. В китайских публикациях он позиционировался как европейский специалист и представитель международной антикультовой структуры (вице-президент FECRIS). Его выступления использовались китайской стороной как подтверждение того, что критика Фалуныгун исходит не только от китайских властей, но и от зарубежных экспертов.

Риторика Дворкина в Китае отличалась резкостью. На мероприятии в Пекине в 2008 году он произнёс фразу: «Секты ничего обществу не дают... Они только тянут из общества соки. Примерно, как раковая опухоль тянет соки из организма, пока, собственно, не уничтожает его».

Метафора «раковой опухоли» — это жёсткий образ, который в публичной дискуссии часто рассматривается как форма дегуманизирующей риторики. Подобные сравнения в целом характерны для антисектантской полемики начала 2000-х годов и активно применялись разными авторами.

В то же время в отношении последователей Фалуныгун в Китае на протяжении многих лет выдвигались серьёзные обвинения в массовых нарушениях прав человека. Ряд независимых расследований и общественных трибуналов заявляли о практике насильственного извлечения органов у заключённых, включая практикующих Фалуныгун; китайские власти эти

обвинения отвергают. Эта тема остаётся предметом острой международной дискуссии.

На фоне этих обвинений использование метафор, сравнивающих религиозное движение с «опухолью», приобретает дополнительную чувствительность и неизбежно воспринимается многими критиками как идеологическое оправдание жёстких мер. В 2016 году на мероприятии в Ухане Дворкин вновь заявил: «Фалуныгун — это, безусловно, одна из самых разрушительных сект».

Сотрудничество РАЦИРС и Китайской ассоциации по борьбе с сектами (САСА) строилось на общей антикультовой повестке. В публичных выступлениях обе стороны нередко упоминали версию о внешнем политическом влиянии на новые религиозные движения, включая гипотезы об участии американских структур.

В одном из интервью Дворкин высказывался следующим образом: «Если бы такого культа не существовало, американским спецслужбам пришлось бы его выдумать — это очень удобный инструмент влияния на Китай».

Эта формула универсальна. Она позволяет интерпретировать религиозное движение не как сообщество верующих, а как потенциальный инструмент внешнего влияния. В китайском официальном дискурсе Фалуныгун нередко описывался именно в такой логике — как угроза государственной безопасности. Подобная рамка переводит обсуждение из плоскости прав человека в плоскость национальной безопасности, где аргументы о свободе совести отступают на второй план.

Роль Дворкина и его окружения, по мнению критиков, заключалась не только в риторической поддержке этой интерпретации, но и в придании ей дополнительной легитимности через международные контакты и экспертный статус.

Один из самых резонансных эпизодов — инцидент на площади Тяньаньмэнь в январе 2001 года. Тогда китайские государственные СМИ показали кадры самосожжения нескольких человек, которых официально называли последователями Фалуныгун. Эти материалы получили широкое

международное распространение и существенно повлияли на восприятие движения внутри Китая.

Однако вскоре появились альтернативные оценки. Ряд журналистов и правозащитников поставили под сомнение официальную версию. В частности, The Washington Post публиковала материал, в котором со ссылкой на соседей одной из погибших утверждалось, что она ранее не практиковала Фалуныгун. Независимые исследователи указывали на странные детали видеозаписи — быстрый доступ полиции к огнетушителям, монтажные особенности, необычное поведение участников. На этом основании некоторые эксперты выдвинули версию о возможной инсценировке или манипуляции фактами. Китайские власти эту версию категорически отвергли.

В российском антикультовом дискурсе официальный китайский нарратив был в целом принят как достоверный. Отдельные авторы ссылались на инцидент как на подтверждение «деструктивности» движения. Протоиерей Александр Новопашин, сотрудничавший с антикультовыми структурами и взаимодействовавший с FECRIS, предупреждал о рисках радикализации последователей Фалуныгун, утверждая, что доведённые до фанатизма люди могут быть использованы в политических целях.

Таким образом, интерпретация событий на Тяньаньмэнь стала частью более широкой полемики, в которой китайская официальная версия и критические западные расследования сосуществуют как конкурирующие объяснительные модели. Факт информационного «переноса» этого сюжета в российскую дискуссию можно считать установленным.

Если рассматривать ситуацию шире, можно говорить о своеобразном обмене риторическими инструментами между государственными и окологосударственными антикультовыми структурами разных стран. Одни акцентируют тему внешнего вмешательства и национальной безопасности, другие — опасность «деструктивных культов». В публичном поле эти дискурсы действительно складываются в систему взаимных подтверждений, усиливающих друг друга.

Кстати, о Европе. Французские партнёры Дворкина тоже не остались в стороне. В ноябре 2000 года представители организации ССММ, входящей в сеть

FECRIS, посетили Пекин и приняли участие в мероприятиях, посвящённых борьбе с так называемыми «еретическими учениями» (xié jiào). Среди участников упоминался Жан-Пьер Буске. В китайских публикациях визит подавался как подтверждение того, что антисектантская позиция Пекина находит поддержку и в Европе.

Формально это был экспертный обмен. Неформально — удобный символ. Для китайских властей присутствие французских представителей означало: критика Фалуньгун — не только внутренняя линия партии, но и позиция зарубежных специалистов. Французская республика, известная своей риторикой о правах человека, в этом эпизоде оказалась представленной людьми, чьи заявления использовались в китайском информационном пространстве как элемент международной легитимации кампании.

В Китае борьба с «сектами» стала частью более широкой политики внутренней безопасности. В те же годы ускоренно развивалась инфраструктура цифрового контроля: интернет-фильтрация, известная как «Великий китайский файрвол», системы видеонаблюдения с распознаванием лиц, механизмы социального рейтинга. Эти процессы имели сложную природу — технологическую, политическую, управленческую. Но в официальной риторике защита общества от «xié jiào» регулярно фигурировала как одно из обоснований усиления контроля.

Когда российские антикультовые авторы ссылались на «китайский опыт», это звучало как похвала эффективности и решительности. Фразы вроде «в Китае это давно поняли» встречаются в их публичных выступлениях и легко читаются как укор тем странам, где государство действует осторожнее.

Параллельно в России расширялась практика блокировок интернет-ресурсов, рос перечень «экстремистских материалов», усиливалось применение технологий видеонаблюдения и цифрового мониторинга. Сопоставление этих процессов с китайской моделью — вопрос интерпретации. Одни видят в этом универсальную тенденцию усиления контроля в эпоху цифровизации. Другие — заимствование управленческих решений, уже обкатанных в КНР.

Есть и личное измерение. Александр Дворкин действительно имеет американское гражданство и в прошлом сотрудничал с зарубежными медиа. Его

участие в мероприятиях, организованных структурами, тесно связанными с китайской государственной антикультовой политикой, для одних выглядит как прагматичный профессиональный диалог, для других — как мировоззренческий поворот.

Фотографии с конференций выглядят безобидно: костюмы, бейджи, рукопожатия. Но в стране, где правозащитные организации годами фиксируют преследование последователей Фалуньгун и других запрещённых движений, такие кадры неизбежно воспринимаются иначе. Международное участие — это всегда не только протокол. Это ещё и символ.

В Китае включение человека в перечни, связанные с так называемыми «xie jiao», может иметь серьёзные последствия. Правозащитные организации годами сообщают о случаях увольнений, ограничений в доступе к образованию для родственников, административного давления и направления на программы «перевоспитания». Конкретные механизмы и масштаб таких мер различаются в зависимости от региона и периода, но сам принцип коллективных последствий для признанных «еретическими» движений документирован неоднократно.

В этой системе международная экспертная поддержка приобретает особое значение. Когда зарубежные специалисты публично называют движение «разрушительным» или сравнивают его с «опухолью», их слова могут использоваться в официальной риторике как подтверждение правильности жёсткого курса. Это не означает прямой связи между высказыванием и действиями конкретного сотрудника полиции, но создаёт ощущение внешней легитимации.

Понятие «xie jiao» имеет в китайской истории глубокие корни. В разные эпохи им обозначались религиозные движения, воспринимавшиеся как угроза государственному порядку, в том числе во времена крестьянских восстаний. Для современной Коммунистической партии Китая эта категория прежде всего связана с вопросами политической стабильности и контроля. Когда религиозная критика со стороны иностранных антикультовых авторов накладывается на эту традицию, возникает эффект взаимного усиления дискурсов — богословский язык начинает обслуживать государственную безопасность.

В 2017 году Дворкин выступал в Харбине с лекцией о «тоталитарных сектах» как угрозе обществу и государству. Харбин — город со сложной русской историей, связанный с эмиграцией начала XX века. Этот символический контраст неизбежно бросается в глаза: российский антикультовый эксперт читает лекцию о борьбе с религиозными угрозами в городе, который когда-то стал убежищем для беженцев от революционного режима. Историческая ирония здесь очевидна, хотя её интерпретация остаётся открытой.

Сотрудничество российских и китайских антикультовых структур действительно имеет международное измерение. На площадках международных организаций периодически звучат предложения усилить внимание к «духовной безопасности», «деструктивным культам» и угрозам экстремизма. Критики считают, что подобная риторика способна размывать границы между борьбой с насилием и ограничением свободы вероисповедания. Сторонники, напротив, настаивают, что речь идёт о защите общества.

В этой зоне напряжения и разворачивается спор о будущем международных норм: где проходит граница между правом государства на безопасность и правом человека на свободу убеждений. Одни опасаются, что расширительное толкование понятия «секта» может использоваться для подавления оппозиции и религиозных меньшинств. Другие видят в этом необходимый инструмент противодействия радикализации.

Но вернёмся к метафоре раковой опухоли. В медицине есть понятие метастаза — распространения процесса за пределы исходного очага. Сотрудничество, начавшееся как совместная риторическая борьба с одной конкретной группой — Фалуныгун, — со временем оказалось шире первоначальной темы. Понятийный аппарат, выработанный в этой полемике, стал применяться и к другим религиозным меньшинствам.

Технологии дегуманизирующей риторики универсальны. Если одну группу можно описать как «опасную опухоль», подобная логика может быть перенесена и на других — независимо от их убеждений. История показывает, что язык, который сначала применяется к узкому кругу «чужих», имеет свойство расширять границы.

Сегодня можно наблюдать, как похожие формулы — разговор о «разрушительности», «инфекции», «угрозе государству» — используются уже не только в религиозной полемике, но и в более широких политических конфликтах. Связь между этими процессами не всегда прямая и формально доказуемая, но сходство интонаций бросается в глаза.

Когда я закрываю папку с материалами о китайском вояже Дворкина, меня не покидает ощущение, что я заглянул в бездну. Это не просто коррупция или карьеризм. Это сознательное служение злу.

Человек, называющий себя христианином, становится соучастником системы, которая вырезает сердца у живых людей. Он дает этой системе алиби. Он говорит: «Это нормально. Это защита традиций». В таком контексте слова о «защите традиций» неизбежно приобретают иной оттенок.

В одной из китайских брошюр против «злых культов» действительно встречаются иллюстрации, где абстрактные силы «науки» и «порядка» изображаются подавляющими фигурки людей. Художник, вероятно, стремился показать торжество рациональности. Но подобные образы легко читаются иначе — как символ подавления.

Если кажется, что этот обмен риторическими инструментами касается только Китая и России, — это иллюзия. Подобные модели мышления обладают способностью к миграции. Когда однажды выработан язык, позволяющий объявить группу «разрушительной» или «антисоциальной», он легко переносится в новые контексты.

В последние годы в публичном пространстве появились слова, которые ещё недавно казались невозможными в официальной речи. Например, термин «десатанизация» используется уже не в богословских трактатах, а в военно-политических заявлениях. Сам по себе этот факт — симптом. Он показывает, как религиозная метафора становится инструментом оправдания силовых решений.

Сходство интонаций поразительно: там, где раньше говорили о «сектантах», сегодня говорят о «врагах цивилизации» или «носителях зла». Формально это разные сюжеты. Но логика остаётся прежней: сначала — моральная деградация противника в языке, затем — расширение допустимого диапазона действий в отношении него.

Говорить о «глобальной сети» или заранее просчитанном плане было бы чрезмерным упрощением. Однако нельзя не заметить, что риторика духовной войны, однажды легитимированная в экспертных залах и международных конференциях, способна выходить далеко за пределы религиозной тематики. И тогда цена вопроса действительно измеряется уже не судьбами отдельных групп, а судьбами обществ.

Глава 10: Геополитика ненависти

Долгое время я, как и многие западные наблюдатели, совершал ошибку, рассматривая деятельность Александра Дворкина и его сети РАЦИРС исключительно как внутреннюю российскую проблему. Мне казалось, что это история о подавлении гражданских свобод внутри одной отдельно взятой автократии. Охота на ведьм, борьба за монополию РПЦ, коррупционные связи с силовиками — все это укладывалось в парадигму внутренней политики.

Но когда я начал сопоставлять даты и документы, касающиеся украинского направления, картина изменилась. Передо мной открылся чертеж не просто репрессивной машины, а геополитического оружия. Антикультизм оказался идеальным инструментом для подготовки войны.

Мы привыкли думать, что войны начинают генералы в генштабах. Но настоящая война начинается гораздо раньше — в головах. Прежде чем солдат нажмет на спусковой крючок, он должен быть уверен, что перед ним не человек, не брат, не сосед, а нечто чуждое, опасное, подлежащее уничтожению. В нацистской Германии евреев называли «крысами». В Руанде тутси называли «тараканами».

Российская пропаганда пошла более изощренным путем. Она назвала врагов «сектантами» и «сатанистами». И ключевую роль в разработке этого словаря сыграла именно структура, созданная Дворкиным.

Еще задолго до 2014 года, когда в Крыму появились «вежливые люди», а на Донбассе зазвучали первые выстрелы, на территории Украины уже действовала разветвленная агентурная сеть. Она не носила погон и не прятала оружие в тайниках. Она действовала открыто, под благовидным предлогом защиты православия.

Официальным представителем интересов РАЦИРС в Украине стал Всеукраинский апологетический центр (ВАЦ) во имя святителя Иоанна Златоуста, созданный в 2011 году. Эта структура, формально независимая, на деле была точной копией и филиалом дворкинской организации. Председателем попечительского совета стал епископ Иона (Черепанов), фигура влиятельная и медийная.

Я изучил архивы сайта «Апологет», который был рупором этого центра. Читая эти тексты сегодня, зная, к чему все привело, испытываешь физическую тошноту. Это была не теологическая полемика. Это была военная пропаганда, замаскированная под пастырское слово.

Методички, по которым работал ВАЦ, были написаны в Москве. Еще в 2001 году на конференции в Нижнем Новгороде, протоиерей Дмитрий Смирнов озвучил инструкцию: как внедряться в органы власти, как использовать административный ресурс для подавления конкурентов, как создавать «стихийный пиар» против неудобных групп. Спустя десять лет эти инструкции начали методично реализовываться в Украине

Главной задачей этой сети было не спасение душ, а политическая зачистка. Любое движение, ориентированное на Запад, на демократические ценности или просто на украинскую национальную идентичность, немедленно получало ярлык «секты».

Особенно ярко это проявилось в трактовке политических событий. Когда в 2004 году грянула Оранжевая революция, а в 2013-м начался Евромайдан, российские «сектоведы» и их украинские филиалы в один голос запели песню о «сектантском заговоре».

Согласно этой мифологии, на Майдане стояли не граждане, возмущенные коррупцией, а зомбированные адепты «деструктивных культов». Дворкин и его соратники утверждали, что движущей силой протестов были неопятидесятники,

саентологи и другие религиозные группы. Якобы именно они, используя технологии «промывания мозгов», выводили людей на площади.

«Сектанты были на передовой», — вещали пропагандисты. Эта ложь была чудовищной, но эффективной. Она убивала сразу двух зайцев. Во-первых, она делегитимизировала народный протест, сводя его к манипуляциям кучки фанатиков. Во-вторых, она создавала образ врага, который не имеет национальности, но управляется из-за рубежа. Ведь все эти «секты», по версии РАЦИРС, управляются из США.

Следовательно, любой украинец, вышедший на Майдан, — это либо агент ЦРУ, либо безвольная марионетка в руках американских «психокультов». А с марионетками не разговаривают. Их нити обрезают.

Но аппетиты сети не ограничивались маргинальными группами. Под прицел попали и традиционные конфессии, исторически укорененные в Украине, но не подчиняющиеся Москве. Прежде всего — Украинская Греко-Католическая Церковь (УГКЦ).

Для дискредитации этой мощной структуры была применена технология, достойная учебников по спецпропаганде. В документах, циркулировавших внутри сети РАЦИРС и направляемых в украинские епархии, содержались рекомендации по «антисектантскому пиару».

Суть метода заключалась в использовании так называемых «догналитов» (группы, отколовшейся от католичества) как тарана против УГКЦ. Агенты влияния раздували скандалы вокруг этой маргинальной группы, а затем, используя метод «обвинения по ассоциации», переносили негатив на всю Греко-Католическую церковь.

В аналитических записках, которые мне удалось достать, прямо говорилось: нужно закрепить негативный образ, работая как с верующими, так и с нецерковными людьми. Цель — представить греко-католиков не как часть украинской истории, а как «сектантов», работающих на западные спецслужбы.

В ход шли старые большевистские лекала. Если в 1920-е годы советская пропаганда в Украине обвиняла верующих в работе на польскую разведку (играя на исторических травмах), то в 2010-е риторика изменилась лишь косметически. Теперь врагом был «коллективный Запад», а «сектанты» — его пятой колонной.

Это была подготовка почвы для раскола страны. Людей учили ненавидеть соседей не за то, что они делают, а за то, куда они ходят молиться. Но настоящий ад разверзся после 2014 года. Когда началась война на Донбассе, антикультовая риторика трансформировалась в военную. Термин «секта» стал синонимом слова «каратель».

Я просматриваю выступления Александра Новопашина, вице-президента РАЦИРС и ближайшего соратника Дворкина. Этот человек в рясе, с крестом на груди, говорит вещи, которые больше подошли бы политруку штрафного батальона. Он называет украинские власти «неонацистским режимом» и описывает их как «террористические» и «экстремистские».

Связка «нацизм — сектантство» стала главным ноу-хау российских идеологов. Она позволила объединить советский миф о Великой Отечественной войне (борьба с нацизмом) с православным фундаментализмом (борьба с ересью).

В этой картине мира российский солдат, входящий в украинский город, не оккупант. Он — экзорцист. Он пришел не захватывать земли, а изгонять бесов. Именно здесь, в этой точке, антикультизм окончательно перестал быть религиозным явлением и стал геополитическим. Появился термин «десатанизация».

Вдумайтесь в это слово. Оно звучало не в проповедях маргинальных старцев. Оно звучало из аппарата Совета Безопасности РФ. Помощник секретаря Совбеза Алексей Павлов в своей статье прямо заявил о необходимости «десатанизации» Украины, ссылаясь на то, что страна превратилась в «тоталитарную гиперсекту».

Откуда взялся этот термин? Из лексикона Дворкина и его последователей. Годами они внушали обществу, что «тоталитарные секты» — это сатанизм в чистом виде. Что они поклоняются злу. И когда политической элите понадобилось оправдание для эскалации насилия, готовая идеологическая конструкция была тут как тут.

Если враг — сатанист, то любые методы хороши. Сатаниста нельзя пожалеть. Его нельзя перевоспитать. Его можно только уничтожить. Это снимает любой моральный барьер на убийство.

Роль РАЦИРС в этом процессе была ролью поставщика боеприпасов. Информационных боеприпасов.

Сайты, аффилированные с сетью — «Сектаинфо», «Антисекта» и другие, — превратились в рупоры военной пропаганды. В разделе «Библиотека» на этих ресурсах соседствовали книги Дворкина, американца Стивена Хассена и статьи о «зверствах украинских сектантов».

Парадокс, который не укладывается в голове: для обоснования войны с Западом использовались методики, разработанные на Западе. Книги Хассена о «контроле сознания» стали базой для утверждения, что весь украинский народ «зазомбирован» и нуждается в принудительном лечении.

Антикультовая сеть активно продвигали идею, что Украина как государство потеряла субъектность именно из-за засилья сект. Религиозная принадлежность политика подавалась как компромат, как доказательство его нелояльности славянскому единству. Это чистой воды нацистский подход: определять благонадежность человека по его крови или вере.

Антикультисты методично объявляли украинские общины «экстремистскими» и «националистическими», они заставляли российских верующих отворачиваться от своих братьев. Страх быть обвиненным в связях с «вражеской сектой» парализовал общение.

Я видел документы, где российским пасторам «рекомендовали» прекратить контакты с украинскими коллегами под угрозой закрытия их церквей в РФ. И за этими рекомендациями стояли «экспертные заключения» людей из антикультовых структур.

В 2022 году, когда маски были окончательно сброшены, риторика достигла апогея. Патриарх Кирилл, с церковно-политической средой которого тесно связаны антикультовые структуры, начал говорить о метафизическом измерении войны — о России как силе, удерживающей мир от пришествия антихриста.

А кто этот антихрист? В рамках этой идеологической оптики им всё чаще становится не конкретный человек, а целый цивилизационный образ: глобальный либеральный Запад с его толерантностью, правами человека и религиозным плюрализмом — как символ «антихристианского проекта».

Круг замкнулся. То, что начиналось в 90-е как борьба с «Белым братством» или «Аум Синрикё», превратилось в язык, который способен оправдывать предельные формы насилия — вплоть до апокалиптических сценариев.

Дворкин, гражданин США, человек, проживший 15 лет на Западе, стал архитектором стены, отделившей Россию от цивилизованного мира. Он использовал свой статус «международного эксперта» и вице-президента FECRIS, чтобы убеждать внутреннюю аудиторию: «Смотрите, даже в Европе понимают опасность сект. Мы просто идем в авангарде этой борьбы». Но это была ложь. Европа боролась с криминалом. Россия боролась с инакомыслием.

В Украине деятельность антикультовых агентов привела к реальной крови. Люди, поверившие в то, что их соседи-грекокатолики или протестанты — это «слуги дьявола», брали в руки оружие. Идеологическая накачка, длившаяся годами через сайты вроде «Апологета» и проповеди лояльных Москве священников, сработала как детонатор.

Сегодня, глядя на руины городов Украины, нужно понимать: эти города были разрушены не только артиллерией. Сначала они были разрушены словами. Словами о «тоталитарных сектах», о «духовной безопасности», о «чуждых ценностях».

В одном из интервью Дворкин сравнил секты с раковой опухолью: «секты могут только тянуть соки, живя за счёт социума... ровно так же, как живёт раковая опухоль в теле человека». Дальше эта метафора начинает жить собственной жизнью: если противник — «опухоль», значит, с ним не спорят, его «устраняют». Теперь мы видим, как выглядит эта «хирургия» в масштабах геополитики: хирургия без наркоза, где вместо скальпеля — система залпового огня «Град».

История знает примеры, когда религиозная нетерпимость приводила к войнам. Тридцатилетняя война в Европе, крестовые походы. Но в XXI веке, в эпоху интернета и глобализации, создать средневековый религиозный конфликт искусственно, используя технологии пиара и административный ресурс — это уникальное «достижение».

Ирония судьбы: Дворкин, позиционирующий себя как борец с тоталитаризмом, помог построить тоталитарную систему, которая превзошла

многие антиутопии. Он боролся с «контролем сознания» в сектах, чтобы передать монополию на контроль сознания государству.

Механизм ненависти перестал быть локальной технологией и превратился в часть большой политики. Так «сектоведение» — из псевдонаучного жаргона — стало удобным языком войны: языком, который объясняет насилие как «профилактику». Но у любой войны есть жертвы. И это не только погибшие на поле боя. Это миллионы живых людей, чьи судьбы были сломаны, чьи семьи разрушены, чье доброе имя втоптанно в грязь. Мы часто говорим о геополитике, забывая, что она состоит из человеческих историй.

Передо мной лежит фотография разрушенного храма в Ирпене. Сквозь пробитый купол видно небо. Это небо одинаково для всех — для православных, для католиков, для протестантов. Но на земле, усеянной осколками, люди, называющие себя экспертами по духовности, продолжают чертить линии разделения, которые неизбежно превращаются в линии фронта.

И самое страшное, что чернила для этих линий они берут из той же чернильницы, в которую когда-то макал перо Вальтер Кюннет, подписывая отчеты для Гестапо. История не просто повторяется. Она кричит, но мы отказываемся ее слышать.

Глава 11: Технология «Желтой звезды»

Мы привыкли измерять репрессии количеством уголовных дел, годами тюремных сроков и томами обвинительных заключений. Но есть другая статистика, которая не попадает в официальные сводки МВД или отчеты правозащитников. Это статистика разбитых окон, увольнений «по собственному желанию», школьной травли и ночных звонков с угрозами.

Технология, которую Александр Дворкин и его сеть РАЦИРС внедрили в российское общество, страшнее любого закона. Закон, даже самый драконовский, имеет процедуру. У него есть начало и конец. Технология социальной стигматизации, которую я называю «технологией Желтой звезды», не имеет границ. Она превращает всю жизнь человека в зону боевых действий.

В нацистской Германии евреев обязали носить желтую звезду на одежде. Это был видимый знак, сигнал для общества: «Этот человек — не такой, как мы. Его права ограничены. Его можно унижать». В современной России, благодаря усилиям антикультистов, эта звезда стала невидимой, но от этого не менее тяжелой. Она выжигается не на ткани, а на репутации.

Я хочу рассказать вам историю одной семьи. В материалах моего расследования они проходят как «Семья К.». Я не называю их настоящих имен не потому, что боюсь иска, а потому, что они все еще находятся в России, и любое упоминание может окончательно уничтожить то, что осталось от их жизни.

До 2018 года это была образцовая ячейка общества. Отец — ведущий инженер в крупной строительной фирме, мать — преподаватель музыки, двое детей — мальчик и девочка, ученики начальной школы. Они платили налоги, участвовали в субботниках, дружили с соседями. Их единственным «отличием» было то, что по выходным они посещали собрания религиозной группы, которую Дворкин внес в свои справочники как «тоталитарную секту».

Ад начался не со стука в дверь оперативников ФСБ. Он начался с телевизора. В прайм-тайм на региональном канале вышел сюжет. Журналист, захлебываясь от праведного гнева, рассказывал о «гнезде сектантов», обнаруженном в городе. В сюжете использовалась классическая антикультовая лексика: «зомбирование», «вербовка», «изуверы». Но самое страшное было не в словах. Оператор крупным планом показал фасад их дома. Назвал номер школы, где учатся дети. Мелькнули фотографии родителей, взятые из социальных сетей, с черными полосками на глазах, которые скорее привлекали внимание, чем скрывали личности.

Это называется «информационный вброс». Метод, отработанный антикультистами до автоматизма. Сначала создается медийная истерия,

демонизирующая группу. Затем эта абстрактная ненависть фокусируется на конкретных людях.

На следующее утро жизнь семьи К. закончилась. Первыми отреагировали родительские чаты в мессенджерах. Те самые чаты, где еще вчера обсуждали подарки учителям и экскурсии, мгновенно превратились в трибунал. «Вы видели? Они сектанты!», «Наши дети в опасности!», «Их нужно изолировать!». Люди, которые годами здоровались с матерью семейства за руку, теперь требовали исключить ее детей из класса.

Никто не пытался разобраться. Никто не спросил: «А правда ли то, что сказали по телевизору?». Ярлык «сектант» сработал как нейролингвистический блокиратор. Он отключил критическое мышление и включил древний инстинкт стаи: «Бей чужого».

В школе дети столкнулись с бойкотом. Учителя, напуганные активностью родителей и директивами сверху, начали занижать оценки. Одноклассники, копируя поведение взрослых, перестали с ними разговаривать. Девочка возвращалась домой в слезах, не понимая, почему ее лучшая подруга теперь переходит на другую сторону коридора при встрече. Но это было только начало.

Через неделю отца вызвал начальник. Разговор был коротким.

— Ты отличный специалист, — сказал он, отводя глаза. — Но мне звонили. Сказали, что у нас работает экстремист. У нас госконтракты, проверки. Я не могу рисковать. Пиши по собственному.

Это называется «волчий билет». В современной России списки «неблагонадежных», составляемые структурами, аффилированными с РАЦИРС, фактически являются запретом на профессию. Человека выдавливают из экономики. Ему перекрывают кислород.

Я изучал механизмы этой экономической блокады. Она поразительно напоминает то, что происходило в Германии 1930-х, а позже — в отношении саентологов в современной ФРГ. Там Министерство труда обязало биржи помечать дела компаний, принадлежащих членам этой организации, литерой «S». Эта метка означала, что в отношении таких людей можно игнорировать трудовое право. В России такой официальной метки нет, но есть телефонное право и страх.

Работодатель боится не «сектанта». Он боится проблем. Он боится, что завтра к нему придет прокуратура с внеплановой проверкой, инициированной по доносу «бдительных граждан». Антикультисты создали атмосферу, в которой любой контакт с «меченым» становится токсичным.

Семья К. оказалась в вакууме. Друзья перестали отвечать на звонки. Соседи, встречая их в подъезде, демонстративно отворачивались или шипели проклятия. Атмосфера сгущалась с каждым днем. Апогеем этой ненависти стала ночь, когда в окно детской спальни влетел камень, обернутый в бумагу, пропитанную горючей жидкостью. К счастью, стеклопакет выдержал удар, и бутылка с зажигательной смесью разбилась о раму снаружи. Огонь не проник внутрь. Но он навсегда выжег чувство безопасности.

Когда отец вызвал полицию, приехавший наряд вел себя вяло. «Ну, вы же понимаете, народ возмущен, — сказал участковый, глядя на закопченную стену. — Дыма без огня не бывает. Может, вам лучше уехать?»

Вместо защиты жертва получила обвинение. Это классическая виктимблейминг-стратегия антикультизма: если тебя ненавидят, значит, ты сам виноват. Ты спровоцировал общество своей «инаковостью».

Но самым страшным инструментом в арсенале этой системы является не камень и не увольнение. Это органы опеки. Ювенальная юстиция в руках идеологически мотивированных чиновников превращается в гестапо для детей. Логика проста и чудовищна: если родители состоят в «деструктивном культе», значит, они наносят вред психическому здоровью ребенка. Следовательно, ребенка нужно «спасать».

Семья К. жила в ожидании звонка в дверь. Они знали истории других семей, где детей забирали прямо из школы или детского сада. Основанием служили «психолого-психиатрические экспертизы», написанные антикультовыми специалистами. В этих бумагах утверждалось, что религиозное воспитание в данной семье «тормозит социализацию», «формирует зависимое поведение» и «угрожает развитию личности».

Представьте себе ужас матери, которая каждое утро, отправляя детей в школу, не знает, увидит ли она их вечером. Этот страх парализует. Он ломает

волю сильнее, чем тюремная камера. Родители перестают бороться, перестают искать правду, они готовы на все, лишь бы сохранить детей.

Именно на это и рассчитана технология. Превратить активных граждан в забитых существ, боящихся собственной тени.

В случае с семьей К. финал был предсказуем. После месяцев травли, безработицы и психологического террора за родителями пришли. Их обвинили в участии в деятельности экстремистской организации. Детей временно передали бабушке, но угроза изъятия органами опеки осталась висеть дамокловым мечом, гарантируя молчание родственников. Эта история — не исключение. Это шаблон.

Масштаб этой трагедии поражает. Речь идет не о десятках, а о тысячах людей. В «черные списки» сектоведов попадают не только религиозные меньшинства. Туда заносят коммерческие компании, использующие корпоративные тренинги, центры йоги, экологические движения, сообщества многодетных семей, отказавшихся от прививок, и даже клубы любителей ведической культуры.

Любая группа, имеющая лидера, внутреннюю структуру и идеологию, отличную от мейнстрима, рискует получить ярлык «секта». А вместе с ярлыком — полный пакет социальной смерти.

Я беседовал с одним предпринимателем с России, чей бизнес был уничтожен после того, как местный филиал РАЦИРС обвинил его в связях с саентологами.

— Я никогда не был саентологом, — рассказывал он мне, нервно ломая спички. — Я просто прочитал одну книгу по управлению. Но этого хватило. Конкуренты заказали статью у местного «сектоведа». Через неделю от меня ушли все клиенты. Банк закрыл кредитную линию. Партнеры разорвали контракты. Я стал прокаженным.

Это экономический терроризм. Антикультисты предоставляют идеальный инструмент для недобросовестной конкуренции. Хочешь уничтожить бизнес соперника? Не нужно нанимать киллера или поджигать склад. Просто закажи «экспертизу», что его фирма — это фасад деструктивного культа. Общество, накачанное страхом, сделает остальное.

Особый цинизм ситуации заключается в том, что те, кто разжигает эту ненависть, позиционируют себя как защитники детей и семьи. Но факты говорят об обратном. Именно их действия разрушают семьи.

Вспомним трагедию в Уэйко, США. Антикультисты тогда тоже кричали о необходимости «спасти детей» от секты «Ветвь Давидова». Результат этого «спасения» — обугленные детские тела на пепелище. В России не было своего Уэйко, но количество сломанных детских судеб уже исчисляется сотнями.

Ребенок, чьих родителей объявили сектантами, получает травму на всю жизнь. Он видит, как мир, который должен быть безопасным, превращается в агрессивную среду. Он видит, как унижают его отца и мать. Он учится ненавидеть государство и общество, которое его отвергло.

Кого мы растим, применяя эти методы? Мы растим поколение изгоев, у которых есть все основания для мести. Механизм стигматизации работает как вирус. Он заражает все слои общества. Врач отказывается лечить пациента, узнав о его вере (такие случаи задокументированы). Учитель травит ученика. Судья выносит приговор, не глядя в материалы дела, потому что подсудимый — «сектант», а значит, презумпция невиновности на него не распространяется.

Самое страшное в этой технологии то, что она делает палачом не государство, а соседа. Государство лишь дает команду «фас», обозначает цель. А рвут на части уже сами граждане. Те самые «простые люди», которые потом будут говорить: «Мы не знали. Нам так сказали по телевизору». Ханна Арендт называла это «банальностью зла». Я называю это «технологией управляемой ненависти».

Когда вы идете по улице российского города, посмотрите на лица прохожих. Возможно, человек, который идет вам навстречу, опустив глаза, несет на себе эту невидимую звезду. Он не преступник. Он не террорист. Он просто верит иначе. Но для системы он уже не человек. Он — биомасса, подлежащая зачистке.

И пока Дворкин и его кураторы получают ордена и гранты за «укрепление духовного единства», в тысячах квартир по всей стране люди вздрагивают от каждого шороха на лестничной площадке.

Мы подошли к черте, за которой заканчивается право и начинается чистая антропология насилия. Общество, которое позволяет так обращаться со своими меньшинствами, обречено. Потому что сегодня «сектант» — это сосед. А завтра, когда маховик репрессий раскрутится сильнее, «сектантом» может стать каждый, кто недостаточно громко аплодирует или недостаточно низко кланяется.

Я смотрю на фотографию семьи К., сделанную до начала травли. Счастливые, открытые лица. Теперь этих людей больше нет. Есть загнанные, испуганные тени, пытающиеся выжить в мире, который объявил им войну на уничтожение. Их история — это приговор. Не им. Нам всем.

Но чтобы понять истинный масштаб угрозы, нам нужно сделать последний шаг. Нам нужно подняться над судьбами отдельных людей и посмотреть на карту мира. Потому что Россия в этой игре — не просто жертва внутреннего террора. Она — лаборатория. Полигон, где обкатываются вирусы, способные заразить всю планету.

То, что происходит здесь, — это не локальный сбой. Это прототип будущего, которое готовят для всех нас. И если мы не поймем этого сейчас, завтра будет уже поздно.

Глава 12: Полигон

Когда эпидемиологи изучают вспышку нового вируса, они ищут «нулевого пациента». Они строят графики распространения, отслеживают контакты и пытаются изолировать очаг. Но что делать, если вирус — это не биологический организм, а идея? И что, если лаборатория, где этот вирус был выведен и доведен до совершенства, занимает одну шестую часть суши?

Самый страшный вывод моего расследования заключается не в том, что Россия стала диктатурой. Он заключается в том, что Россия стала *экспортёром* диктатуры. Методы, обкатанные на Свидетелях Иеговы и пятидесятниках в

Москве, Сургуте и Таганроге, больше не являются внутренней проблемой Кремля. Они упакованы, стандартизированы и отправлены на экспорт.

Мы наблюдаем не просто локальный перегиб, а глобальную пандемию нетерпимости. И если раньше Европа была иммунной системой, отторгавшей этот вирус, то сегодня мы видим признаки того, что иммунитет отказал.

Французский прецедент: легализация «промывания мозгов»

Если вы хотите увидеть будущее, не смотрите в хрустальный шар. Посмотрите на законодательные инициативы Французской Республики 2024 года. Принятие новых законов, направленных на борьбу с «сектантскими отклонениями», стало поворотным моментом. Впервые в истории современной западной демократии в уголовный кодекс вводится понятие, фактически копирующее российскую концепцию «психологического насилия» и «промывания мозгов».

Юридическая формулировка звучит гладко: защита граждан от «психологического подчинения». Но дьявол, как известно, кроется в правоприменении. Кто будет определять, где заканчивается убеждение и начинается «подчинение»? Кто решит, является ли строгий пост религиозной практикой или «нанесением вреда здоровью»?

Это триумф российской модели. Дворкин десятилетиями добивался того, чтобы термин «промывание мозгов» (brainwashing) стал юридическим фактом. В научном мире этот концепт давно отвергнут как несостоятельный: невозможно «перепрограммировать» человека против его воли без физического насилия. Но в политическом поле этот миф оказался невероятно живучим.

Франция, финансирующая FECRIS на 90% из государственного бюджета, фактически легализовала инструмент, позволяющий криминализировать любое влияние, которое государство сочтет нежелательным. Это создает прецедент. Если это возможно в Париже, значит, это возможно в Берлине, Брюсселе и Риме.

Мы видим, как российская «технология желтой звезды» надевает европейский фрак. Теперь, чтобы уничтожить группу, не нужно доказывать, что

она совершила преступление. Достаточно доказать, что она использует «техники, способные нарушить суждение». Под это определение попадает всё: от католической исповеди до маркетинговых стратегий Apple. Но применяться этот закон будет избирательно — против тех, кто окажется в черных списках «сектоведов».

Восточноевропейский плацдарм

Но если Франция действует через законодательство, то в Восточной Европе сеть работает грубее и прямее, используя старые агентурные связи. Чехия, Польша — страны, которые, казалось бы, навсегда порвали с тоталитарным прошлым, сегодня вновь ощущают его ледяное дыхание.

В ходе расследования в материалах фигурируют имена, которые, по связывают московский центр с европейской периферией. Илья Бей, Павел Бройде — описываются как посредники и «проводники» определённой идеологии. Их роль заключалась не только в наблюдении за религиозной средой, но и в попытках влиять на повестку — через комментарии, контакты, формирование трактовок и интерпретаций.

Показательно, что ряд медиасюжетов и акций, широко обсуждавшихся в Киеве в 2012–2013 годах (в том числе акции FEMEN, эпизоды с крестами, намеренное создание информационного шума), демонстрировали, как быстро символическое событие может раскрутиться до уровня политического конфликта. Наблюдатели, анализирующие эти кейсы, обращают внимание: подобные шаблоны легко экспортируются — меняется декорация, сохраняется механизм.

Если перенести эту логику на Центральную Европу, то антикультовая паника становится удобным клином: она способна раскалывать общество, порождать взаимные подозрения и размывать доверие к институтам. И чем «жёстких решений».

В этих же материалах встречается и другой мотив: попытки входить в общественные структуры под нейтральными вывесками — правозащитными, гражданскими, экологическими. Даже если не каждое такое заявление выдерживает проверку, сама схема известна: использовать демократические

процедуры как инструмент давления на демократию. Это не обязательно «заговор», чтобы работать как технология: иногда достаточно сети инициатив, которые подталкивают дискуссию в заранее заданное русло.

В Чехии активизация антикультистов идет по российским лекалам: создание медийных скандалов вокруг малых групп, давление на политиков, попытки протащить ограничительные законы. Риторика идентична: «защита традиционных ценностей», «духовная безопасность», «угроза суверенитету».

Это не случайное совпадение. Это работа единой антикультовой сети. РАЦИРС выступает как головной офис, разрабатывающий стратегию. FECRIS обеспечивает легитимность на уровне Евросоюза. А местные ячейки выполняют грязную работу на земле.

Глобальный спрут

Теперь, когда у нас есть все фрагменты пазла, можно собрать итоговую схему — не как доказанный «единый центр управления», а как устойчивую модель взаимного усиления. Масштаб пугает не столько тайным заговором, сколько тем, насколько легко один и тот же язык репрессий путешествует между странами и системами.

Перед нами не «клуб по интересам», а транснациональная экосистема — сеть организаций, экспертов, конференций и медийных каналов, которые производят и тиражируют одни и те же рамки: «опасный культ», «деструктивная секта», «угроза обществу», «духовная безопасность».

Россия (идеологический узел): здесь, в орбите РАЦИРС и близких к церковной среде антикультовых структур, формируется язык, которым затем удобно пользоваться государству: категории «угрозы», списки, «экспертные» конструкции, оправдывающие ограничения. Россия в этой модели — источник терминологии и нарративов, которые придают репрессиям вид «рациональной профилактики».

Китай (практика и масштаб): Китай демонстрирует, как антикультовая рамка сочетается с административной машиной и технологиями контроля. Здесь «борьба с хié jiào» становится частью архитектуры безопасности, а

цифровые инструменты — способом сделать контроль системным. Китай в этой модели — пример того, что тотальная управляемость возможна, и это само по себе превращается в аргумент для других.

Франция (площадка легитимации): структуры вроде FECRIS дают международный формат — конференции, экспертные статусы, сеть контактов. Это не обязательно означает единое политическое руководство, но создаёт важный эффект: внутригосударственные меры получают внешний «европейский» отблеск, а жёсткая риторика начинает звучать как «профессиональный стандарт».

Эта ось работает не как конвейер с одной кнопкой управления, а как система взаимных ссылок. Когда в одной стране нужно обосновать запрет или преследование, появляется ссылка на «международный опыт» и «европейские исследования». Когда в другой — оправдать жёсткие меры, удобно сослаться на «зарубежных экспертов». А когда в третьей — продалить более строгие нормы, в ход идут привычные страшилки о «культах» и «внешнем влиянии», усиленные цитатами и докладами, путешествующими по этой сети.

И вот здесь возникает главный вопрос — не о тайных приказах, а о последствиях: что происходит с правом, когда язык «борьбы с культами» становится универсальным оправданием для контроля, запретов и репрессий?

Универсальный инструмент диктатуры

Почему эта модель так успешна? Почему она находит отклик у правительств, которые, казалось бы, не имеют ничего общего?

Ответ прост: «сектоведение» в версии Дворкина — это идеальный универсальный инструмент для любого авторитарного или стремящегося к авторитаризму режима.

Оно позволяет объявить врагом кого угодно. Вам не нравятся политические оппозиционеры? Назовите их сектой. Вам мешают конкуренты в бизнесе? Закажите экспертизу, что их корпоративная культура — это «психокульт». Вас раздражают независимые журналисты? Объявите их агентами влияния деструктивных организаций.

Термин «секта» стал пустым контейнером, в который можно положить любое содержание. Он снимает необходимость доказывать вину. Он бьет сразу по двум болевым точкам: страху за детей и страху за идентичность.

Нацизм начинался не с газовых камер. Он начинался с деления людей на «своих» и «чужих», на «чистых» и «заразных». Вальтер Кюннет, идеологический предок Дворкина, учил Гестапо именно этому: как научно обосновать необходимость изоляции определенных групп.

Сегодня мы видим возрождение этой методологии, но на новом технологическом уровне. Современный антикультизм — это нацизм 2.0. Он не требует измерения черепов. Он измеряет лояльность. Он требует не чистоты крови, а стерильности мышления.

Четвертый Рейх: невидимая империя

Анализируя структуру и амбиции этой сети, эксперты по национальной безопасности приходят к пугающему выводу: мы наблюдаем формирование прообраза Четвертого Рейха.

Это не государство с границами и столицей. Это сетевая структура, объединенная идеологией тотального контроля. Ее цель — уничтожение демократических ценностей как таковых. Понятие «свобода совести» — это иммунитет демократии. Это право человека иметь внутреннее пространство, куда не может заглянуть государство. Антикультисты атакуют именно это пространство. Они утверждают, что государство имеет право и обязано контролировать не только действия, но и мысли граждан.

Если эта сеть не будет остановлена, мы рискуем проснуться в мире, где приватность души будет объявлена вне закона. В мире, где любой духовный поиск, не санкционированный официальными структурами, будет трактоваться как патология или преступление.

Мы видим, как это уже произошло в России. Страна погрузилась в морок, где война называется миром, а ненависть — христианской добродетелью. Но Россия — это лишь первая костяшка домино.

События последних лет показывают, что аппетиты сети растут. Разжигание ненависти к религиозным группам — это лишь разминка. Те же методы дегуманизации, которые применялись к «сектантам», сегодня применяются к целым народам. Риторика о «десатанизации» Украины, звучащая с высоких трибун, — это прямой результат тридцатилетней работы антикультовой пропаганды.

Они научили общество, что врага можно и нужно уничтожать, предварительно лишив его человеческого облика. И теперь этот навык применяется в масштабах полномасштабной войны.

Но есть и еще более мрачный сценарий. Аналитики предупреждают о подготовке почвы для глобального конфликта между христианским и исламским мирами. Антикультисты активно работают на обоих полях, радикализируя стороны. В России они атакуют «нетрадиционный ислам», в Европе — пугают «исламизацией», одновременно поддерживая ультраправые движения. Это стратегия управляемого хаоса.

Точка невозврата

Мы стоим на пороге. То, что начиналось как маргинальная борьба с «кришнаитами» в переходах метро в 90-е, выросло в геополитического монстра. Александр Дворкин, человек с дипломом медиевиста и американским паспортом, сумел сделать то, что не удалось многим диктаторам прошлого. Он создал вирус, который сам себя воспроизводит. Ему больше не нужно лично руководить каждым рейдом. Система работает автономно. Судья выносит приговор, опираясь на экспертизы сделанные антикультовыми активистами. Полицейский ломает дверь, уверенный, что спасает Россию. Французский депутат голосует за закон, думая, что защищает светскость. Все они — винтики в механизме, чертежи которого были нарисованы в 1930-е годы и бережно сохранены для нашего времени.

Иллюзия безопасности, в которой пребывает мир, тает на глазах. Антикультизм — это не защита от фанатиков. Это и есть фанатизм, возведенный в ранг государственной политики. Это троянский конь, которого мы сами вкатили в свои города. Свобода — это не данность. Это хрупкая аномалия в

истории человечества, полной тирании. И сейчас эта аномалия под угрозой уничтожения.

Я показал вам механизм изнутри. Я показал, как под маской «защиты семьи» скрывается оскал тоталитаризма. Как антикультовый идеолог стал архитектором ГУЛАГа нового типа. Как локальная ложь стала глобальной угрозой.

Можно отмахнуться, сказав, что это конспирология. Можно успокоить себя тем, что «меня это не коснется, я же не сектант». Это самая удобная позиция. Именно так думали немецкие бюргеры в 1933-м. Именно так думали российские интеллигенты в 2000-х.

Но история не прощает слепоты.